

18+

АЛЕКСАНДР ЧЕРЕНОВ

НЕСОСТОЯВШИЙСЯ ГОРБИ

КНИГА ВТОРАЯ

Александр Черенов

**Несостоявшийся
Горби. Книга вторая**

«Издательские решения»

Черенов А.

Несостоявшийся Горби. Книга вторая / А. Черенов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-516879-5

11 марта 1985 года в зале заседаний Политбюро министр иностранных дел СССР Андрей Громыко неожиданно предложил на пост Генерального секретаря ЦК КПСС кандидатуру Михаила Горбачёва. А что, если бы его голос оказался «гласом вопиющего в пустыне»? Этот роман — о борьбе за власть, об исторической альтернативе Горбачёву, о том, чего могло не быть и что могло быть взамен. На пути Горбачёва к власти — и измене — стояли его противники во главе с Григорием Романовым. Интересная получалась история...

ISBN 978-5-00-516879-5

© Черенов А.
© Издательские решения

Содержание

Глава тридцатая	6
Глава тридцать первая	11
Глава тридцать вторая	17
Глава тридцать третья	25
Глава тридцать четвёртая	32
Глава тридцать пятая	37
Глава тридцать шестая	44
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Несостоявшийся Горби Книга вторая

Александр Черенов

© Александр Черенов, 2021

ISBN 978-5-0051-6879-5 (т. 2)

ISBN 978-5-0051-6822-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава тридцатая

– Не ожидал я от тебя такого двурушничества!

Горбачёв и не скрывал раздражения.

– Да ещё – в такой судьбоносный момент! Мы же, кажется, достигли консенсуса?!

Соломенцев удивлённо пожал плечами, а когда ему показалось, что для выражения чувств этого жеста не хватило – ещё и доработал мимикой.

– О каком двурушничестве Вы говорите, Михаил Сергеевич?! И что такое «консенсус»?! Первый раз слышу, чтобы мы с Вами достигали того, что и язык не поворачивается выговорить!

– Консенсус – это согласие! – добавил раздражения Горбачёв: направляясь к Соломенцеву, он «забыл маски» – а теперь они ему и вовсе не требовались.

– Согласие?!

Соломенцев художественно наморщил лоб.

– В чём?!

– В том, чтобы работать вместе!

– А разве это – не так?

– А как прикажешь тогда понимать назначение Шелепина?!

– Ах, это!

Соломенцев с видимым облегчением улыбнулся, и беспечно махнул рукой. И то, и другое было сделано им со стопроцентной достоверностью. Ну, или – близкой к таковой.

– И в чём Вы усматриваете двурушничество? Я всего лишь трудоустроил известного человека, который хочет гарантировать себе персональную пенсию союзного значения. Вы, наверно, в курсе того, что ему уже предложили «готовиться к переходу на заслуженный отдых»?

– В курсе.

Немного успокоившись, Горбачёв отошёл от подозрений – но недалеко. Во всяком случае, не настолько далеко, чтобы «МС-2» отставил заверения. И Соломенцев мудро не отставил их.

– Но, главное: я же его не Генеральным секретарём устроил! И что такого криминального в том, что мужик напоследок захотел почувствовать руку на пульсе жизни? Ну, вот, хочет человек принести обществу хоть какую-то пользу, прежде чем вступить в лигу доминошников-пенсионеров! И ведь он может принести: в нашем деле Шелепин – не новичок. Если Вы помните, он в своё время возглавлял этот Комитет.

– Но почему именно Шелепин?! – не выдержал Горбачёв. – Тебе не кажется странным, что всплыла именно его кандидатура?!

Горбачёв адресовался к Соломенцеву исключительно на «ты», презрев любезность даже в ответном порядке. Ну, вот, такой был у него характер: «к мандатам почтения нету»... если этот «мандат» – ниже рангом. Себя Михаил Сергеевич уже считал «номером два» в партии – а, значит, «Quod licet Jovi, non licet Bovu». В вольном переводе на русский язык: «Что дозволено Горбачёву – не дозволено всем другим!».

На очередной гневный выпад Соломенцев отреагировал таким же очередным пожатием плечами.

– Не понимаю – о чём Вы?!

– О том, что несколько лет назад Шелепин, как зам Председателя Госкомитета по профтехобразованию, тесно контактировал с Романовым! Есть такая оперативная информация!

– Фу, ты – а я-то думал!

Соломенцев мужественно не воздержался от снисходительного взгляда в Горбачёва.

– Тоже, мне: «оперативная информация»! Не знаю, кто Ваши информаторы, Михаил Сергеевич – но только ребята или явно перестарались, или под полученный аванс «сплавили» Вам «прошлогодний снег»! «Дела давно минувших дней, преданье старины глубокой»! Это – во-первых.

А, во-вторых, Романов с Шелепиным контактировали, если Вы помните, исключительно по вопросу реформы профтехобразования. Романов затеял её тогда для Ленинграда и области – и хотел распространить на весь Союз. По этому поводу к нему и заслали Шелепина. Я подчёркиваю: именно «заслали» – а не он напросился! Да и толку-то: почин не был поддержан! Уж, не знаю, отчего – но только не был! Так, что, у Вас нет даже формальных оснований подозревать Шелепина в связях с «врагом народа» Романовым!

– У нас! – мрачно уточнил Горбачёв, многозначительно сверля глазами Соломенцева. – А что касается «врага народа», то ты не так, уж, далёк от истины!

Некоторое время Горбачёв нервно ощупывал сухой ладонью гладко выбритое лицо. В продолжение того же самого времени Соломенцев выказывал ему товарищеское уважение и даже почтительность, но только не раболепие. Судя по его взгляду, Михаил Сергеевич тысяча девятьсот тринадцатого года не только не робел Михаила Сергеевича тысяча девятьсот тридцать первого года «издания», но даже не ожидал от него инструкций!

Михаилу Сергеевичу более позднего года «издания» это, разумеется, понравиться не могло, но пока он сделал всего лишь «зарубку на память». Эта «зарубка» делалась себе – в отличие от «зарубки на сердце», которая уже гарантировалась его визави вместе с отставкой. Михаил Сергеевич-1931 свято исповедовал принцип: «никто не забыт – и ничто не забыто!». В том смысле, что «какой мерой вы мерите – такой и вам отмерят!».

– Хорошо, Михаил Сергеевич! – «приговорил» Горбачёв ладонью по столу. – Будем считать инцидент исчерпанным. Но впредь прошу: никакой самодеятельности! Все стратегические вопросы прошу согласовывать со...

Горбачёв наткнулся на ироничный взгляд Соломенцева – и неожиданно стушевался.

– С Юрием Владимировичем... и его соратниками.

Уточнение также оказалось вынужденным: упоминание о необходимости консультаций и даже получения санкции у Андропова «образца января восемьдесят четвёртого» могло вызвать, в лучшем случае, недоумение.

– А с чем ты его посылаешь?

Этот вопрос Горбачёв задавал не столько из интереса, сколько из желания уйти от предыдущей неуклюжести, а заодно и «выйти из-под обстрела»... глаз Соломенцева.

Михаил Сергеевич-1913 почти снисходительно улыбнулся.

– Работа – по профилю, Михаил Сергеевич. Обычная рутина: командировка на места для рассмотрения жалоб исключённых из партии. Хотите верьте, хотите нет: тоном в жалобах! Народу катастрофически не хватает! Особенно – народу принципиального и квалифицированного! А тут человек вовремя подвернулся под руку! И как раз – «нужного формата»!

– «Подвернулся»?!

Горбачёв художественно сочетал в одной мимике иронию с недоверием.

– Сам «подвернулся» – или «подвернули»?!

– Истинный крест! – ограничился словами – без подключения рук – Председатель КПК. – Да это легко проверить: за день или два до его обращения ко мне его вызывали в Управление делами и в «кадры»: оформлять пенсию.

– Да?!

Горбачёв всё ещё не спешил «убывать недоверием».

– Ну, я же говорю! – в очередной раз «побожился» без Бога Соломенцев.

«М.С.-31» забарабанил пальцами по столу – и «вышел на приговор».

– Ладно, поверим на слово... Шелепину!

Смех двух членов Политбюро прозвучал в унисон. Но при этом Горбачёв явно резервировал за собой местечко «смеющегося в последнюю очередь»...

...Александр Николаевич трудился, не покладая рук: объём работы превысил все мыслимые пределы. Партия – в лице её отдельных руководителей на местах – мужественно и даже героически очищалась... от критиков «отдельных недостатков». А всё – потому, что в роли «отдельных недостатков», как правило, выступали... первые лица обкомов и крайкомов. Реже – первые лица городского уровня.

В известной песне времён гражданской войны пелось: «Были сборы недолги, от Урала до Волги мы коней собирали в поход!». Александр Николаевич частично соответствовал «установке»: обрабатывал и Урал, и Волгу в формате «блицкрига». На Урале основное его внимание было приковано – именно «было приковано», потому что «не само!» – к Свердловскому обкому. И не потому что – крупнейшая парторганизация одного из крупнейших индустриальных центров страны. Крупнейших – и тех, и других – хватало и без Свердловска. Дело было в другом, или, как сказало бы Остап Бендер: «всё дело в том – какой отец». Свердловск привлекал весьма непривлекательной – и даже отталкивающей личностью своего Первого: Бориса Николаевича Ельцина.

До сего времени Шелепин «не удостоился чести» быть лично знакомым с этим человеком: много чести... для этого человека! Таких «ельциных» в бытность Шелепина «наверху» копошилась «в нижних слоях атмосферы» тьма-тьмуца – всех и не упомнишь. Первый раз фамилия Ельцина мелькнула перед глазами Александра Николаевича, когда он знакомился с поздравлениями Леониду Ильичу в связи с семидесятилетием «выдающегося борца за мир». Панегирик был среднего уровня холая – несравнимый, конечно, с восточной цветистостью Рашидова, Шеварднадзе и Алиева – но исполненный на вполне достойном недостойном уровне.

Знакомство с достоинствами свердловского Первого оказалось кратким – по причине отсутствия достоинств. К таковым – но только специфического характера – можно было отнести лишь то поздравление Леониду Ильичу, которое Ельцин нагло подписал не «именем» обкома, а своим, снос дома Ипатову памяти убиенных великомучеников Романовых, да «успешную талонизацию» населения области. За годы правления Бориса Николаевича – а пошёл уже «осьмой», а то и девятый годок – Борис Николаевич «успешно решил продовольственную программу» в отдельно взятом регионе. То есть, «по линии продуктов питания» в области наступил коммунизм: всем – одинаковой мерой в очередях, одинаковых для всех... кроме самого Бориса Николаевича и «группы товарищей».

Обнадёживал Ельцин и тяжёлой поступью... по головам и душам. Партию вынуждены были оставить лица, имевшие смелость – в редакции Ельцина «наглость» – выступить против своеобразного понимания Борисом Николаевичем коммунизма. Таковых набиралось на несколько дней приёма – и то, если каждому уделять не больше десяти-пятнадцати минут. Поэтому Александр Николаевич «охватил личным участием» наиболее ярких представителей «племени изгнанных» – а в память об остальных захватил в дорогу обширное досье.

Разумеется, не обошлось и без встречи с Первым. С первых же минут разговора Борис Николаевич начал оправдывать характеристики «решительного человека»: мужлана и хама. В доказательство своей решительности он решительно отказался робеть московского гостя. И всё – лишь потому, что гость занимал, в его представлении, не самый заметный пост. На дополнительное хамство работал и факт «имевшей место политической смерти» товарища из Москвы. Это дало Ельцину лишнее основание помитинговать перед Шелепиным на тему многочисленных политических грехов и огрехов Советской власти и руководства КПСС. Критика особенно впечатляла на фоне «грандиозных достижений» области в борьбе за светлое будущее... посредством борьбы со светлым настоящим. Видимо, по этой причине «света» хватало только на будущее.

Краткое личное знакомство с Ельциным и значительно более продолжительное знакомство с его знакомыми и многочисленными документами, позволили Александру Николаевичу «приговорить» свердловского Первого «на всю катушку» «за отсутствием смягчающих обстоятельств». Чуть более благоприятное впечатление произвели на него кандидаты на место предполагаемого выдвиженца: Андрианов Владимир Владимирович, и Бобыкин Леонид Фёдорович. Но от рекомендаций Шелепин предпочёл воздержаться: «три дня знакомы!» – как сказал бы один из совместных героев писателя Зощенко и режиссёра Гайдая.

И всё же, ценную информацию выудить удалось. И – как раз, в формате «навозну кучу разгребая, петух жемчужину нашёл». Проще говоря: Александру Николаевичу удалось выявить реквизиты человека, «проталкивающего» Ельцина в Москву. Этим человеком оказался вчерашний Первый Томска, а сегодняшний секретарь ЦК Лигачёв, Егор Кузьмич. Именно он упорно сватал Ельцина в Секретариат. «По оперативным данным», которыми Шелепин столь же оперативно обзавёлся на месте, в Ельцине Лигачёва мог привлечь единственный потенциал: разрушителя.

Откровением «разоблачение покровителя» не стало – но в таком деле, как сказал бы гоголевский Осип, «и верёвочка пригодится». Ибо «рыбак рыбака видит издалека»: один потенциальный разрушитель – Горбачёв – теперь уже не имел права не увидеть другого потенциального разрушителя – Ельцина!

Благодаря «личному делу» Бориса Николаевича, Шелепин перемахивал Урал, будучи уже специалистом не столько в вопросах политической реабилитации, сколько в вопросах агентурной разведки. Именно поэтому ему уже не требовалось «проводить рекогносцировку на месте»: вникал сразу. Да и слухом полнилась земля: слава «отца-благодетеля» – или кандидата в таковые – бежала впереди Александра Николаевича. Товарищи бывшие члены партии отнеслись к появлению некогда всесильного члена Политбюро, как ко Второму пришествию Господа нашего, Иисуса Христа. И товарищи знали: «плакаться в жилетку» Шелепину можно только с документами на руках!

Именно поэтому Александр Николаевич не имел недостатка не только в слухах, но и в достоверных фактах, в большинстве своём подтверждаемых документально. Это позволяло значительно ускорить решение главного вопроса: «кто есть ху». Да и Первые встречали его уже не так «мужественно», как Ельцин: «народ свердловский» просветил. В основном – на тему: «дозволь дураку Богу молиться» и «блаженны нищие духом». В смысле: «какой с дурака спрос?!»

По этой причине большая часть «охваченных Первых» «чистосердечно признавала» отдельные упущения... подчинённых работников, призванных блюсти Устав при решении вопроса партийности. Некоторые даже личным участием «искупали вину»... всё тех же подчинённых работников. Список реабилитированных пополнялся, в основном, лицами, «осужденными за мелкие и менее тяжкие правонарушения». Александру Николаевичу оставалось лишь благодарить отдельных первых за такую «наводку».

Особенную благодарность – глубоко в душе, конечно – он выказывал Бакатину Вадиму Викторовичу, Первому секретарю Кемеровского обкома. Результатами своей деятельности «по выпрямлению линии уклоняющихся в сторону коммунизма», товарищ Бакатин производил впечатление «духовного близнеца» тоже «пока ещё товарища» Ельцина. И поэтому «кондуит» Александра Николаевича на законных основаниях пополнился ещё одной фамилией, перспективной в силу именно своей... обязательной бесперспективности.

Шелепин проехал и пролетел – Председатель КПК санкционировал «воздушные налёты» – от Волги до Тихого океана. Налётом часов и километражем он даже превзошёл «самых» Леонида Брежнева образца семьдесят восьмого года, когда тот «путешествовал» по Сибири и Дальнему Востоку. Но, если единственным толком от той поездки оказалась изданная вскоре брошюра Политиздата, то Александр Николаевич мог с чистой совестью доба-

вить к часам и километрам досье на людей с нечистой совестью, даром что они назывались «умом, совестью и честью нашей эпохи».

Александр Николаевич отработал – не побывал, а именно отработал! – Волгоградский, Оренбургский, Пермский, Томский, Омский, Новосибирский, Курганский, Иркутский, Якутский, Амурский обкомы и Хабаровский крайком. Народ в целом был ещё «за Советскую власть плюс электрификация всей страны». Некоторые товарищи производили исключительно приятное впечатление уже тем, что... производили исключительно неприятное впечатление на товарища Горбачёва и его товарищей. «Комплексным» впечатление было в силу верности этих отдельных товарищей «догмам» – в редакции Шелепина «социализму и марксизму-ленинизму».

Особо Александр Николаевич отметил товарищей Зоркальцева Виктора Ильича из Томска и Калашникова Владимира Ильича из Волгограда. Отметил он их для того, чтобы не забыли отметить другие – и надлежащим образом. В первую очередь не забыть их надлежало Григорию Васильевичу Романову – как «заказчику-плательщику работ». Товарищи не должны были засидеться на месте... и «на местах».

За поиском кандидатур на выдвижение Александр Николаевич не забывал и о второй поставленной перед ним задаче. Поэтому досье лиц, не подлежащих реабилитации (восстановлению в партии) «ни под каким соусом», заметно пополнилось. ЦК и прочим центральным структурам партии масштабное «обновленчество» больше не грозило. Во всяком случае, Шелепин сделал всё для того, чтобы угроза оказалась даже не теоретической: гипотетической. «Родне Горбачёва по духу» отныне надлежало «дышать» (источать, смердеть, портить воздух) исключительно на просторах... дальней Сибири и ещё более Дальнего Востока. Да и там – не во главе войска, а в обозе или «подворотнях» даже не политического толка, с реноме «вечно обиженных», «ником и нигде не принимаемых».

Всё было подготовлено и к выполнению третьей задачи: восстановлению в рядах партии тех людей, которые не побоялись выступить «против течения в лице не наших Первых». Естественно, речь шла не обо всех «непобоявшихся»: лишь о тех, кто не побоялся с идейно верных позиций. На манер Петра, который «... и вдаль глядел», Романов и Полковник уже думали о том, кто придёт на смену нынешним Первым.

Александр Николаевичу не удалось ограничить формат встреч исключительно обкомами и крайкомами: подключились и военные. Больше того: инициатива встреч исходила от них. Но в связи с этим Шелепин не испытывал дискомфорта: впервые за много лет высокопоставленные генералы сами напрашивались на randevу – и даже выстраивались в очередь. А ведь тогда, в шестьдесят седьмом и позже – как он домогался внимания и сочувствия! И ведь никто не уделил и не посочувствовал! И вот он как бы брал реванш. Только сейчас он работал «на дядю» – и поэтому удовольствие основательно сдабривалось горечью.

Но работа есть работа – и Александр Николаевич начальственно заслушал командующих войсками Сибирского и Забайкальского военных округов, а также «вовремя подвернувшегося под руку» Главного инспектора Министерства обороны. Результаты встреч обнадёживали: «слепоглухонемых» «промеж» генералов не обнаружилось. И, главное: товарищи «понимали грядущих обновленцев насквозь», посему давно уже и определились с симпатиями и антипатиями. Это позволяло Александру Николаевичу «оприходовать» ещё один перспективный момент.

Теперь можно было отправляться домой – и не только с чувством выполненного долга, но и с самим выполненным долгом. От этих мыслей Шелепин уже «не оглядывался назад»: «Рубикон перейдён»...

Глава тридцать первая

– Ого!

Замерив толщину «кондуита», Полковник уважительно блеснул глазами в адрес «изготовителя». Ознакомление с первыми же страницами позволило ему расширить формат удивления до соответствующей мины на лице.

– Отличная работа, Александр Николаевич! Вы успели не только «собрать путевые заметки», но даже «подготовить их к публикации»! Нам остаётся лишь заслушать Ваш отчёт, и отработать в режиме «никто не забыт – и ничто не забыто»!..

В этом же режиме – но несколько в ином смысле – отработал и Михаил Сергеевич Горбачёв. «Нет ничего тайного, что не стало бы явным» – и Горбачёва оперативно просветили насчёт характера «чисто служебной командировки» Шелепина. Как человек, пусть и не битый жизнью, но «потёршийся» в ней, проскальзывая «наверх» и «в задний проход» начальства, Михаил Сергеевич быстро сориентировался в обстановке.

Правда, быстрота его ориентации была избирательной и неполной: он лишь частично постиг смысл коварства «товарищей по партии». Работая в наступлении, Михаил Сергеевич и мыслил соответствующими категориями. Поэтому он мог понять – и понял – лишь то, что «находящийся в обороне противник отсекает пехоту от танков». В переводе «на язык КПСС» это значило, что Романов копает под него... через Ельцина и прочих.

Ввиду грандиозности помыслов, которые мешали глядеть под ноги, Михаил Сергеевич «замахивался слишком широко» для того, чтобы понять «всю сермяжную правду жизни». Ему и в голову не приходило, что «противник» не намерен пока открыто увязывать имя Горбачёва с проделками «товарищей на местах». В своих представлениях о замыслах «вероятного противника», Михаил Сергеевич исходил из того, что «враг» сразу же, «не размениваясь на мелочи», нанесёт по нему массированный удар. Поэтому он решил компенсировать возможные потери на местах выдвижением равноценных «товарищей товарища Горбачёва» в центре, пусть и не на первые роли.

Ну, а «товарищей на местах», по давно заведённой «партийной традиции», Михаил Сергеевич «отправил в свободное плавание»: «выплывут» – хорошо, «не выплывут» – тоже неплохо. Неплохо, как потому, что сильнейший выживает не только в мире животных, так и потому, что «концы – в воду». В политике «оставить след» и «наследить» – далеко не одно и то же!

Но, хоть Горбачёв и действовал быстро – а «враги», они же товарищи по партии, действовали быстрее. Неприятности для Михаила Сергеевича начались уже через три дня после возвращения Шелепина в Москву. Именно на этот день было назначено, казалось бы, всего лишь очередное заседание Политбюро. Хотя в связи с болезнью Генсека заседания давно уже перестали быть очередными, тем более – плановыми. Да и не только «в связи с болезнью»: для того, чтобы почувствовать другую, более важную причину, Михаилу Сергеевичу не требовалось и классической «печёнки». Хотя бы – потому, что «товарищи по партии» и не таили «симпатий» в адрес «сельхозсекретаря» и его поползновений.

Но Горбачёв не намерен был отступать. И не потому, что «смелого пуля боится, смелого штык не берёт». Отступить значило уступить. И уступить не что иное, как вождевленное место. Именно поэтому, едва войдя в комнату заседаний Политбюро, Михаил Сергеевич решительно отказался от внешних приличий. Не дожидаясь, пока рассядутся соратники и коллеги, он попытался занять место во главе стола. Попытка оказалась формата «по pasaran!»: Горбачёв встретился с решительной оппозицией в лице Тихонова, Гришина и Романова. Даже Соломенцев, казалось бы, обязанный проявить верность, «решительно» отмолчался. Все остальные «товарищи по партии» – как соратники: свои, так и коллеги: чужие – тоже отмолчались,

хоть и не столь «решительно». Исключение составил один лишь Громыко. Но и его «исключение» было формата «исключения» Микояна образца двадцать шестого июня пятьдесят третьего года, когда арестовывали Берию: Андрея Андреевича, если и выслушали, то лишь для того, что «взять на карандаш». Министру иностранных дел полагается соображать быстро – и он сообразил: сказал, что решительно не настаивает на своём согласии с «поползновениями» Горбачёва – и даже готов отозвать это согласие.

Всё это дало возможность «премьеру» Тихонову, как самому «ярому стороннику внутривластной демократии», решительно заявить свою позицию в духе «по pasaran!» – но уже в персональный адрес Михаила Сергеевича: «Горбачёв не пройдёт!». Даже не соревнуясь с Демокритом в красноречии, Николай Александрович прозвучал убедительно и страстно.

– Председательствовать на заседаниях Политбюро может только Генеральный секретарь ЦК. В его отсутствие эту обязанность... я подчёркиваю: обязанность, а не право! – может исполнять любой из членов Политбюро. Любой – а не так называемый «второй секретарь»: Уставом партии такая должность не предусмотрена. Как и «право наследования» должности. И, уж, тем более, не может считаться «преемником» какой-нибудь фаворит Генсека!

«Камешек» оказался настолько «в огород», что Горбачёв покраснел, затем побагровел – и взглядом обещал Тихонову «всё, согласно перечню». «Всё самое хорошее», разумеется. Но Николая Александровича это обстоятельство не смутило – и он решительно продолжил «теснить противника».

– Если, уж, на то пошло, то я предлагаю на период временной нетрудоспособности Генерального секретаря установить ротацию председательствующего на заседаниях Политбюро. Будем председательствовать по очереди – и не для того, что «никому обидно не было», а для партийной демократии!

– Верно! – тут же присоединился своим голосом Гришин, и явно за поддержкой обернулся к Романову. Григорий Васильевич не стал «отсиживаться в окопах».

– Я считаю, что это – разумное предложение. Никому из нас не надо «лезть в чужие сани» – да ещё явочным порядком!

После столь дружного афронта Михаилу Сергеевичу не оставалось ничего другого, как «очистить место», ещё и не «замусоренное» его седалищем. Он отошёл от кресла, не забыв по дороге сверкнуть многообещающим взглядом и в Романова. Тот «почему-то не упал, как подкошенный» – и «беспардонно» продолжил развивать тезис.

– Больше того: я считаю, что внутривластную демократию мы должны свято исповедовать даже в вопросах технического характера.

– ??? – дружно попросили уточнить товарищи.

– Кому и где сидеть! Довольно уже нам «принципа боярской Думы» с её дележом на «худородных» и «высокородных»! Ведь посмотрите, что творится у нас: та же «боярская Дума»! Та же самая: по левую руку от Генерального секретаря – «чистые», по правую – «нечистые»!

«Публика в зале» открыла рты от изумления: Романов посягал на самое святое, что было у Политбюро. А именно: на негласную – но от того не менее «железную» – иерархию напояз: кому и где сидеть и стоять! Первым вернул себе голос Тихонов.

– Что ты предлагаешь, Григорий Васильевич?

Лицо Горбачёва «посерело от удовольствия»: Тихонов, прежде не замеченный в проявлении дружеских чувств в адрес Романова, удостоил того «личного тыка» и обращения по имени-отчеству! Это было не просто знаменательно: это было знамение!

– Предлагаю рассаживаться на заседаниях в алфавитном порядке. И – на равных основаниях по обе стороны от председательствующего: «А» – направо, «Б» – налево, «В» – направо, и так далее.

– А фактор членства?! – качественно изумился Устинов: «за что боролись»?

– Разумеется, учитывается, – успокоил товарища Романов (потому что товарищ, по получению заверений, немедленно успокоился). – То есть, кандидаты в члены распределяются в указанном выше порядке уже после того, как рассредоточатся члены.

– Ну, это – другое дело! – облегчённо выдохнул Черненко.

– Разрешите считать это за всеобщее одобрение? – немедленно ухватился Романов.

– А-а...

Константин Устинович открыл рот лишь для того, чтобы закрыть его – но слово уже «отработало воробьём».

– Значит, мы проголосовали и ротацию председательствующего, и «алфавитную иерархию»!

Даже не потрудившись обзавестись вопросительным знаком, и «отковав железо, пока горячо», Григорий Васильевич улыбнулся Михаилу Сергеевичу «дружеской улыбкой голодного крокодила». И тот уже не мог ответить ему хотя бы глазами: «Что: съел?!» – потому, что это Романов, если и не съел Горбачёва, то порядком откушал.

Только это были ещё классические «цветочки». Классические же «ягодки» не только дожидались своей очереди, но и дождались – и даже подавались Михаилу Сергеевичу «на стол». Мало того, что председательствующим – по старшинству – определили на сегодня Тихонова, так тот ещё и «дополнительно убил повесткой».

– Вопрос у нас, товарищи – один, но стоящий иной дюжины.

Вступление обязывало – и товарищи дружно изготовились упасть духом: ничего хорошего от вопроса «размером в дюжину» ожидать не приходилось.

– Я скажу больше, – «дополнительно обрадовал» «премьер». – Вопрос – большой и неприятный.

Товарищи заметно приуныли: мало того, что – большой, так ещё и неприятный!

Докладчик, между тем, продолжал «радовать».

– Недавно Комитет Партийного Контроля осуществил плановую проверку вопросов соблюдения Устава на местах... Только не надо «у-у-у!», товарищи: вопрос – совсем даже не формальный и не протокольный!

Николай Александрович не преувеличивал насчёт «у-у-у»: разочарование и огорчение в одном наборе выдавалось, конечно, не голосом – но глаза замещали его не менее красноречиво.

– Основываясь на данных, полученных в ходе проверки, товарищ Соломенцев пришёл к определённым выводам, к которым он намерен привести и вас. Прошу, Михаил Сергеевич.

Не откладывая дела в долгий ящик – иначе «с места – в карьер» – Соломенцев принялся методично «гвоздить» товарищей по работе фактами и цифрами. Но, если их он только «гвоздил» – и то не всех, а лишь тех, кому предназначались «гвозди» – то «своего двойного тёзку он попросту «убивал». И факты, и цифры были настолько убедительными и настолько не сиротливыми, что «качественное убиение» гарантировалось. В конце отчёта – а точнее, оглашения приговора «горбачёвцам на местах» – Михаил Сергеевич уже всю работу героем известной песни: «и, порубанный саблей, он на землю упал...».

Падать было, от чего: Соломенцев не обошёл вниманием ни одного «перспективного хлопца», от Ельцина и Бакатина до «правильных» соискателей на освобождающиеся места. И «не обошёл» Михаил Сергеевич-13 исключительно в формате Мамаёв, который «прошёл». После такого «помина» даже самый закоренелый оптимист-горбачёвец не смог бы бросить в отчёт Шелепина камень формата «там и конь не валялся». «Валялся» – и ещё как! Так «навалялся», что «навалял» – и даже «накостылял»!

– Резюме, Михаил Сергеевич!

Мстительно блестя глазами в одного Михаила Сергеевича, Тихонов попросил другого «уйти на приговор». И тот не задержался: ни с «уходом», ни с «возвращением».

– Вина указанных товарищей в злом нарушении Устава доказана полностью. Её подтверждают и объяснения потерпевших, и объяснения свидетелей, и, как говорят судьи, «вещественные и письменные доказательства». Заметьте, что всё это – на бумаге, а не на словах, а одна бумага тут же подтверждается другой – и не одной! Поэтому КПК предлагает решить вопрос о секретарстве указанных лиц немедленно, а вопрос их партийности...

Михаил Сергеевич на мгновение задумался – и его озарило.

– Тоже – немедленно!

– Кто «за», товарищи?

«Ввиду ясности вопроса», Тихонов решил не открывать прений: «вина подсудимых доказана объяснениями потерпевших, свидетелей, а также вещественными и письменными доказательствами». Натиск, подкреплённый дружным поднятием рук «антигорбачёвской фронды», оказался таким стремительным, что «за» проголосовали даже «пассивные симпатизанты» Горбачёва: Устинов, Громько и Шеварднадзе. Не стал «идти против течения» и андроповский назначенец Воротников. Черненко, не замеченный в симпатиях, но всегда умело лавирующий между крайними точками зрения, на этот раз отказался от маневров – и встал в дружные ряды тех, кто «за». А, если не встал, то затесался.

– Принято! – не по годам энергично «приговорил молотком» Тихонов, и тут же «спохватился». – Ах, да! Наверно, у кого-то возникло желание воздержаться?

Униженный отнесением в «кого-то», Горбачёв покраснел – и мужественно дрогнул голосом.

– Ну, раз, уж...

«Пошла такая пьянка», – подсказал «добрыми глазами» Романов – и Михаил Сергеевич мужественно дрогнул ещё раз – теперь уже не голосом, а всеми мускулами лица. И всё – исключительно от невыносимой «приязни» по адресу Григория Васильевича.

– ... то я предлагаю решить и вопрос партийности бывшего первого секретаря Краснодарского крайкома Медунова!

Горбачёв мстительно улыбнулся Романову, но его улыбка тут же затупилась о массивную встречную улыбку Григория Васильевича.

– Поддерживаю это предложение Михаила Сергеевича! – просиял Романов. – И хочу его расширить: я предлагаю рассмотреть вопрос Медунова в комплексе!

У Горбачёва отвисла челюсть, по причине чего первым выразить своё недоумение смог Дмитрий Фёдорович Устинов – как человек военный, более стойкий к «проявлениям дружбы от товарищей по партии».

– Что значит: «в комплексе»?!

Романов улыбнулся ещё шире. Вышло, почти как у Ильфа и Петрова, которые, в свою очередь, ссылались на композитора Листа.

– Я предлагаю рассмотреть не только вопрос партийности Медунова, но и вопрос о возможности оценки его деятельности... компетентными органами.

К отвисшей челюсти Горбачёва добавились выбравшиеся из орбит глаза. Михаил Сергеевич действительно не понимал: чего добивается Романов, фактически «сдавая» того, кого должен приберегать для себя – хотя бы «на чёрный день»?! Больше всего его беспокоила одна мысль: а, что, если, «сдавая», Романов и не думал «сдавать»?! От этого человека всего можно ждать, ибо неисповедимы не только пути Господа!

– Принято! – тут же «постановил без постановки на голосование» Тихонов. – Вопрос закрыт!

Вот с этим Михаил Сергеевич спорить уже не мог: вопрос... утраты им опоры на местах действительно был закрыт. Как минимум – «этой опоры» и «пока закрыт»...

... – Итак, совместными усилиями «противник отброшен на рубежи атаки»!

Пусть всего лишь голосом, но Романов довольно «потирал руки». Правда, этого удовольствия – а заодно и довольства – ему хватило лишь до следующей фразы. Уже, предваряя её, Григорий Васильевич был холоден и строг, как тот город, из которого его выдвинули, чтобы задвинуть уже в тмутаракань – и не ту, которая – с заглавной буквы, и тоже – город.

– Да, наши оппоненты «по rasagan» – только в провинции. Здесь же, в Центре, мы по-прежнему находимся в стратегически невыгодном положении: ни одного из назначенцев «нашего друга и товарища» нам так и не удалось хотя бы потеснить!

К выражению неудовольствия хозяина подключился указательный палец правой руки.

– Не «задвинуть обратно» – а хотя бы потеснить! И Лигачёв, и Рыжков «окапываются на занятых рубежах!» «Сексуально-политическая ориентация» Воротникова и Алиева по-прежнему неясна: то ли они – «политические проститутки», то ли – «наш человек в Гаване!» «Матереев» в своём отделе Яковлев, которого до сих пор ещё не обезвредили! Медведев по-прежнему заведует Отделом ЦК, и готовится в секретари!

За этой тирадой должен был последовать сердитый взгляд в Полковника, но не как в хрестоматийного «стрелочника», а как в «человека на своём месте», на нём почему-то не оказавшемся. Не оказавшемся в представлении максималиста Романова. «Всё или ничего!» – это было не для Григория Васильевича: «только всё – и всё сразу!». Несмотря на свой непревзойдённый практицизм, в вопросах политики Романов оставался «романтиком лозунга «Пятилетку – в три года, а лучше – в два!».

Сторонник «плановой экономики в разведке», где не действует заклинание «По шучьему велению», Полковник молча кивнул головой: то ли признавал факт недоработки, то ли принимал к исполнению. Григорий Васильевич не понял – и «разошёлся» ещё энергичней.

– Даже слепой – и тот увидел бы, что Горбачёв окружает нас своими людьми, где только можно! Даже – на тех местах, в которых политику, кажется, не разглядеть не только с первого взгляда, но и со второго и всех последующих! Нужны примеры? Сколько угодно! Кручина по-прежнему – Управделами ЦК! В Политуправлении окопался совершенно чуждый нам человек Волгогонов! Арбатов по-прежнему – директор Института США и Канады: «пустили козла в огород!». Совершенно не наш Абалкин – директор Института экономики Академии наук! В Отделы и Секретариат ЦК нагло лезет «агентура капитализма»: Иноземцев, Бовин, Шахназаров, Герасимов, Бурлацкий, а также придворные экономисты Аганбегян, Заславская, Петраков! Ничем не лучше горбачёвские клерки типа Болдина! Даже на МВД у Горбачёва уже есть своя кандидатура: Власов, Александр Владимирович! Часть людей «Меченый» просто намерен скупить – как, например, Демичева. Одно дело: министр культуры Демичев – и совсем другое: первый зам Председателя Президиума Верховного Совета!

– Даже – так?! – изумился Огарков: сегодняшнее заседание, в отличие от закрытых, было... совсем закрытым. Присутствовали только свои: Романов, Огарков, Полковник. Если проводить аналогию с пятьдесят третьим, то – не только не Президиум ЦК, но даже и не Бюро Президиума: руководящая «пятёрка»... в формате «тройки»!

– Даже так! – всего лишь поменял знаки Романов. – Все вопросы – к Полковнику: его информация.

Маршал оперативно переключился на «источник» – и тот утвердительно смежил веки. Переспрашивать Огарков не стал: если Полковник сказал – хотя бы одними глазами – значит, так и есть. Перепроверять – напрасная трата времени и сил. Николаю Васильевичу оставалось лишь мысленно реабилитировать Полковника за «перерасход критических стрел» Романовым.

– Что ты думаешь о Полозкове?

Григорий Васильевич уже перешёл от «неконструктивной критике»... к «конструктивной». Предваряя ответ, а может, «иллюстрируя его авансом», Полковник сморщил лицо.

– Типичный клерк, мнящий себя солдатом, который носит в ранце маршальский жезл! Вместо того, чтобы ожидаемо хмыкнуть, Романов нахмурился.

– Ты хочешь сказать, что чин Первого в Краснодаре – для него не предел?
Опять же «авансируя ответ», Полковник уже не морщил лицо, а корчил рожу.
– «Ты говоришь»!
– ??? – не включился Романов. Полковник улыбнулся.
– «Двойка» Вам за Закон Божий!
– А-а! – успокоился Романов: он уважал Полковника, но не уважал фамильярность, если только она не адресовалась кому-то другому. Дерзость же Христа оставлялась на совести автора и на усмотрение получателя. – Ну, а если – без Христа с Понтием?

Полковник всё равно не «выключил улыбку».

– Ну, тогда это Полозков говорит. Вернее, хочет сказать, но боится.

– Определи!

– Если кратко, то Полозков – «ничто с претензиями».

Огарков с Романовым обменялись усмешками: определение им явно пришлось по душе.

– А чью сторону он принимает?

– Победителя! – усмехнулся Полковник.

– Значит, нам осталось лишь победить! – тоже под усмешку «приговорил» Романов.

– Чтобы следом «попросить» товарища Полозкова коленом под зад! – «дополнил» Романова Полковник. – Как «заслуженного мастера флюгерного спорта».

– Не возражаю! – «постановил» Романов, отвердев чертами: «делу – время. – Но это – «наше прекрасное завтра»... которого у нас может и не быть. Поэтому, давайте поговорим о «нашем сегодня», куда менее прекрасном. Итак, с провинцией мы, более или менее, определились».

Я, конечно, не питаю иллюзий – и вам не советую – но пока Горбачёв «осуществит перегруппировку», уйдёт время. А мы ведь тоже не будем «ждать своей очереди». Значит, сейчас мы можем – потому что должны – сосредоточиться исключительно на «центре». Для этого, прежде всего, нужно определиться с кончиком нитки, за который мы сможем размотать весь клубок. Есть соображения, Полковник?

– А что тут соображать, Григорий Васильевич?! – решительно «отказался от Устава» Полковник. – Этот «кончик» – Яковлев: самый надёжный, он же – и единственный.

– Яковлев...

Романов художественно наморщил лоб.

– Не мелковат ли?

– Это Вы – о Горбачёве? – усмехнулся Полковник.

– ??? – дружно отработали маршал с секретарём.

Полковник отставил усмешку – но вновь не «по причине Устава».

– Я не готов ответить на вопрос, роль кого из них будет важнее в той пьесе, что написана... не у нас.

В отличие от Романова, Огарков ещё раз отметил взмахом бровей.

– Не преувеличиваешь в духе тридцатых, Полковник?

– Не преуменьшаю в духе восьмидесятых, товарищ маршал!

Словно проставляя точку в споре, Романов «подрос» над столом.

– Согласен с тобой, Полковник! Действуй!

Глава тридцать вторая

Иногда Полковник жалел о теперешней узкой специализации. Изъяны её ощущались наиболее остро в момент знакомства с прошлым и настоящим отдельных советских руководителей. Ведь они заслуживали, куда большего внимания отечественных спецслужб, нежели их зарубежные коллеги. А его-то – заслуженного внимания отечественных спецслужб – как раз, и не было. И этим вопросом Полковник решил заинтересоваться не только всерьёз, но и в первую очередь.

Вопрос о «личности» того, кто должен был уделять внимание, не представлял собой тайны. Если решение этого вопроса не входило в компетенцию ГРУ – а оно, таки, не входило в него – оставалось классическое «одно из двух»: КГБ. Точнее, ПГУ КГБ: Первое Главное управление. Иначе: внешняя разведка. Вот это и была та «печка», от которой следовало «плясать».

Начальником Первого Главного управления «в отчётный период» являлся Владимир Александрович Крючков. Этот человек не был профессионалом разведки, и, по большому счёту, мало, что в ней понимал. Но, не будучи человеком дела, он был человеком Андропова – и этого оказалось достаточно для того, чтобы Юрий Владимирович определил товарища, если и не на «тёплое», то, во всяком случае, на видное местечко.

Ведь Володя Крючков был с Юрием Владимировичем ещё с Венгрии. Почти – как по Симонову: «Был у майора Деева товарищ – майор Петров, Дружили ещё с гражданской, ещё с двадцатых годов».

Полковнику не составило труда узнать «реквизиты» заместителя Крюčkова в ПГУ. Генерал Дроздов оказался не только профессионалом, но и на удивление порядочным человеком. Полковнику даже не потребовалось компрометировать его – и не потому, что нечем: «все мы зачаты в грехе и рождены в мерзости» – а потому, что незачем. Личность Полковника была знакома генералу не только по «наводке» Горбачёва через Андропова: оказалось, что товарищи встречались и в Афганистане, и до него. И встречались «по одну сторону баррикад» – и даже «в одних окопах».

Полковник навестил Дроздова не на службе: «дома как-то уютнее». И генерал с готовностью разделил эту точку зрения – а заодно и трапезу с интересным собеседником. На первое, второе и третье подавались «жареные» факты из жизни Александра Николаевича Яковлева: Полковник сам заявил о своих «гастрономических предпочтениях».

– Знаешь...

Дроздов в очередной раз отставил тоже очередную пустую рюмку: «тост наш – за Родину, тост наш – за Сталина, тост наш – за знамя побед!». Не по-русски сидеть на сухую – а «где достанет на пол-разговорца – тут и вспомнят кремлёвского горца». И не а-ля Мандельштам: «выпьем за Родину, выпьем за Сталина, выпьем – и снова нальём!».

– ...Самое интересное заключается в том, что я ведь докладывал Крючкову о контактах Яковлева с американцами.

– Нет, генерал, это – не самое интересное! – усмехнулся Полковник, иронически разглядывая собеседника сквозь опорожнённую рюмку. – Самое интересное – то, что Крючков не дал тебе задания на проверку сигналов.

Дроздов незамедлительно уважил Полковника взглядом из трёх вопросительных знаков рядом. А когда этого ему показалось недостаточно – «вышел в эфир»:

– Точно! Догадался – или...

– И «догадался», и «или»! – не отказался от усмешки Полковник. – Твой Крючков – протеже Яковлева.

– ???

Кусок сыра выпал изо рта генерала. Но, если с басенной лисой это несчастье приключилось из-за неготовности к вранью, то Дроздов оказался не готов к правде.

– Ну, хорошо, – «снизошёл» Полковник. – Не протеже: человек Яковлева.

– «Хрен редьки!» – обретя голос, усмехнулся генерал. – «Откуда дровишки»?

– «Земля слухом полнится»!

Полковник уклонился не только словом, но и взглядом.

– И, потом: «страна должна знать своих героев»... Ну, а если серьёзно: не один ты исходишь любопытством в адрес этого человека. В творческом отношении Александр Николаевич близок к «абсолютному нулю»: минус двести семьдесят три градуса... ниже уровня пола. Созидатель из него – те самые «минус двести семьдесят три»! Но, зато – каков потенциал разрушителя! Такому человеку дай только развернуться – потом уже не остановишь! Тут и Архимед позеленел бы от зависти со своим примитивом «Дайте мне точку опоры – и я переверну Землю!». А ещё у Александра Николаевича есть два незаменимых качества для агента: он умеет драпироваться в кумач – и при этом собирать «своих» до кучи! На «своих» же у него нюх – куда тому собачьему!

От нахлынувших мыслей Дроздов на время даже забыл об обязанностях хлебосольного хозяина: так и замер с бутылкой в руках.

– Как ты сказал: «для агента»? Ты полагаешь, что он... Или ты говоришь об «агентах влияния»?

– Разливай! – скомандовал Полковник генералу – и тот незамедлительно спохватился. – Роль «агента влияния» Александр Николаевич перерос лет двадцать назад – наподобие того младенца, который переболел корью. Для него сейчас этот наряд – явно мал...

Дроздов не стал изумляться сверх меры: уже освоился. Вместо этого он лишь покачал головой – и чокнулся рюмками с Полковником. Молча выпили, молча закусили. Генерал собирался с мыслями и дожёвывал огурец – а Полковник «дождался» генерала: сейчас тому надлежало «выходить к микрофону». Наконец, генерал смахнул тыльной стороны ладони крошки с губ и уголков рта.

– Значит, ты полагаешь, что Яковлев – «человек оттуда»?

– Если только под «оттуда» ты не понимаешь всего лишь «другие мысли»?

Дроздов рассмеялся.

– Да, Полковник, тебя голыми руками не возьмёшь! Недаром наши оперативники уже хлебнули через тебя выговоров и «прочего удовольствия»! Думаю, если выгорит ваше дело, мне ещё придётся ходить к тебе на доклад.

– А, вот, кстати – насчёт «вашего дела»...

Полковник отложил в сторону огурец, и посерьёзней.

– Оно – только наше, или и твоё – тоже?

Генерал усмехнулся.

– А чего бы я с тобой водку пил?! Втираться в доверие я предпочитаю без вреда для здоровья! Да и Михаил Сергеевич «сотоварищи» «тоже предпочитают»: вербовать на трезвую голову! Нет, брат: я свой выбор сделал. Мне – однозначно не с ними. Сядут они – и манатки придётся собирать не только мне, но и всем нам, всей державе! А я, как ни странно – не только карьерист, но ещё и державник. А у них даже слово такое – не в почёте. Да и вряд ли – в лексиконе... Мне от них «не светит»... даже свет в конце туннеля. Так, что, считай, что я уже «подписался» на доброе дело!

Презрев устав гостя, Полковник сам разлил бутылку по рюмкам.

– В таком случае: «за успех нашего безнадёжного дела»? – Давай!

После этого «давая» генерал «сдал» Полковнику все имеющиеся наработки по Яковлеву.

– А как мне вести себя с Крючковым?

– Хм! – занятый бумагами, «совместил» Полковник. – Как ни в чём не бывало! Крючков – не настолько сложен, чтобы зачислять его в «штирлицы», но и не настолько прост, чтобы вытирать об него ноги! Учти: он ещё вернётся к твоей информации по сигналам. И не потому, что вспомнит: потому что захочет «проверить тебя на вшивость».

– А я?

– А ты продемонстрируешь ему «отсутствие вшей»! – рассмеялся Полковник. – Сделаешь «морду кирпичом», а когда он станет давить, «положишь руку на сердце» – и «честно сознаешься», что не до того было. Пусть Крючков успокоится – и передаст своему работодателю, что генерал Дроздов – вполне симпатичный, нормальный... «лох»!

Генерал рассмеялся, но егохватило ненадолго: мыслей оказалось больше.

– Значит, ты полагаешь, что Крючков... Но ведь он – человек Андропова?

– А где твой Андропов?!

Полковник не выразил никакого почтения к «Генсеку на смертном одре».

– Крючков – не семи пядей, но хватит и одной для того, чтобы понять: нужно искать нового хозяина. А тут ещё хозяин сам ищет его. В общем, как говорила когда-то тётя Валя в передаче «От всей души»: «И вот они встретились!». Теперь Александр Николаевич будет проталкивать Володю на самый верх.

– А как же – Чебриков?!

– А Чебриков – «мавр», которому надлежит всего лишь исполнить роль по Шекспиру... и Горбачёву. То есть, сделать «своё дело» – для «чужого дяди». А потом «мавра» «уйдут». Парень, хоть и стоит пока за Горбачёва – не совсем «с нашей улицы», и «где-то даже – не с нашего двора». К сожалению, он и «не с нашего двора» – того, в котором проживает оппонент Михаила Сергеевича.

Дроздов, хоть и «зарёкся» удивляться, не удержался от покачивания головой.

– Да-а, серьёзный у вас подход к делу...

– А иначе и не стоит «подходить» к нему! – не улыбнулся Полковник. – Так, я «ставлю тебя на довольствие»?

Не потратившись на раздумья, Дроздов махнул головой – и мастерски исполнил роль фокусника: «из ниоткуда» вытащил очередную бутылку...

Теперь, для того чтобы познакомиться с мыслями и делами Начальника ПГУ, Полковнику не было нужды в личном знакомстве. В этих бумагах генерал Крючков был весь, как на ладони. Такому «проявлению» дополнительно способствовало и отсутствие в личности Владимира Александровича какой бы то ни было «философической» сложности.

За такую могла сойти, разве что, умение мимикрировать и не вылезать без нужды, ожидая, пока тебя не пригласят... за уши. Хотя, как всегда в оценках супротивника, Полковник страховался в духе известной установки: «лучше перебдеть, чем недобдеть». Завышенная оценка традиционно шла не только бдительностью, но и залогом на успех.

Досье генерала Дроздова стоило и застольных часов, и похмельного синдрома: это действительно было досье, и «где-то даже агиография» Яковлева и некоторых других «условно товарищей». Именно из него Полковник узнал о подробностях «исторической встречи» Яковлева и Крюčkова двумя годами ранее.

Подробности оказались... не только подробностями. Художественный портрет антисоветчика и антикоммуниста Яковлева теперь можно было считать законченным. Но – лишь такой, в отличие от портрета агента Яковлева. Именно так – без кавычек: Полковник твёрдо был убеждён в том, что Яковлев «вырос» из предельно корректной формулировки «агент влияния» так же, как ребёнок – из прошлогодних штанов.

Полковнику оставалось лишь поблагодарить Дроздова за «длинные руки» и «длинные уши»: «стенограмма» «мемуаров» Начальника ПГУ отразила малейшие нюансы беседы. Полковнику уже доводилось слышать Крюčkова «в неформальной обстановке» – «родственные

отношения» двух служб к тому обязывали – и поэтому он не сомневался: это – «голос» Владимира Александровича.

«Мне доложили, что со мной хочет встретиться посол СССР в Канаде Яковлев, Александр Николаевич. Доложили – и предупредили, что это будет не просто визит вежливости. Не исключалось, что он «с порога» намекнёт на желательность сворачивания оперативной работы в Канаде. И даже «ударит» по КГБ в целом: его «конёк». Я тут же переговорил с Андроповым. Юрий Владимирович был плохого мнения о нём. Даже – очень плохого: «что он думает на самом деле, не поймёшь!».

И это плохое мнение имело большой стаж: ещё в разговоре с Брежневым в конце семидесятых Андропов был против возвращения Яковлева в ЦК. Он тогда прямо заявил Генеральному секретарю, когда тот запросил его мнения как «Юры» и Председателя КГБ: «Яковлев переродился, и ничего, кроме вреда, не принесёт». И Леонид Ильич согласился – и с мнением Андропова, и с отказом Яковлеву в возвращении в ЦК.

Зная Юрия Владимировича много лет, я могу быть уверен в том, что он говорил правду и ничего не преувеличивал. Поэтому я без возражений принял на веру его большие сомнения в лояльности Яковлева по отношению к Советской власти. «Десять лет он в Канаде – пора его забирать! Тем более что о нём многие хлопочут!». Несколько раз во время нашей беседы Андропов назвал Яковлева проходимцем: это было показательно!

Едва лишь Яковлев открыл рот, я сразу же понял, что ни одно из предупреждений насчёт этого человека не было преувеличением. Александр Николаевич «с порога» начал оправдывать выданные ему характеристики, среди которых не было ни одной положительной, несмотря на то, что давали их совершенно разные люди. Сразу же после «Здравствуйте!» он начал жаловаться на то, что за ним беспардонно следят агенты КГБ. На жалобах он останавливался недолго – и вскоре уже перешёл в наступление... на КГБ: потребовал, чтобы из Канады убрали всю агентуру, в том числе, и легальную. Больше того: Яковлев предложил не только закрыть резидентуру, но и свернуть всю работу по Канаде – так, будто это наш союзник в будущей войне!

Вёл себя Яковлев настолько уверенно и нахально, что я сразу понял: за этим человеком «стоят»! И стоят массивно и массивно! Ладно, пресловутый Раскольников написал своё «открытое письмо Сталину»... из Парижа! Невозвращенец – он и есть невозвращенец! Но этот тип говорил то же самое здесь, в Москве! И не только «то же самое» – но и многое «сверх того»! Да и Раскольников нападал, как коммунист – а этот как безусловный перевёртыш!..

Хотя – перевёртыш ли?!.. Мне почему-то... хотя вряд ли почему-то вспомнилась книжка воспоминаний Хрущёва, изданная в Нью-Йорке в семьдесят первом. Кажется, она так и называлась: «Хрущёв вспоминает». Никита Сергеевич там рассказывал о том, как на заседании Правительства двадцать шестого июня пятьдесят третьего он поправил Молотова, назвавшего Берия перевёртышем: «Перевёртыш – это тот, кто был коммунистом, а Берия никогда им не был!». Неспроста вспомнилось мне это определение, когда я разговаривал с Яковлевым. Несмотря на то, что этот человек был на фронте (не знаю, как он, там, воевал – но был), ничего советского, ничего коммунистического в нём я не смог бы обнаружить и под микроскопом! Получалось, что всю жизнь этот тип «искусно маскировался под порядочного человека», как сказала бы героиня одной кинокомедии!»

Полковник усмехнулся – и уважительно покачал головой: Дроздов пересказывал Крюкова настолько живо и достоверно, что нельзя было не отдать должное обоим.

«После ухода Яковлева я не мог уже относиться к его персоне индифферентно – ну, или хотя бы так, как относился раньше: „дипломат, оторвавшийся от жизни в Союзе, зажавшийся, подпавший под влияние“ – и всё такое. И я вызвал своего заместителя Дроздова – человека порядочного, настоящего профессионала».

– Вон, «откуда дровишки!» – хмыкнул Полковник. – Значит, я не ошибся. Да и относительно характеристики Дроздова наши с Крючковым мнения совпадают.

«Дроздову можно было доверить самые деликатные секреты – и я доверил ему сбор информации по Яковлеву. Ну, как доверил: сказал, что надо усилить наблюдение за нашим посольством в Оттаве. Я не стал называть ему фамилии Яковлева...».

– «Доверил», называется! – ухмыльнулся Полковник.

– «... Не стал я и „раскрывать источники“: всего лишь сослался „на некоторые сведения, по которым...“ – ну, и так далее. Не знаю, догадался ли Дроздов – но никаких вопросов он мне не задал, а через некоторое время он положил мне на стол целое досье... на Яковлева».

– Значит, догадался! – снова не отказался от комментария Полковник, и с тем же «сопровождением» на лице.

– «В основном, это были обрывочные сведения „на тему“ Яковлева от информаторов, реквизитов которых в документах не значилось. Видимо, Дроздов не доверял никому».

– А тебе – прежде всего! – «поучаствовал» в очередной раз Полковник.

«В досье поминались не только взгляды Яковлева, но и приводились отдельные цитаты. Цитаты были весьма красноречивые».

Полковник оторвался от чтения – и, посветлел лицом.

– Никакая это не стенограмма! Дроздову каким-то образом удалось заполучить подлинный текст подлинной записки Крюčkова! Машинописной, без подписи, с отступлением от канцелярского стиля – но подлинной записки Крюčkова! Куда она адресовалась, кому – хрен его знает! Может – конверту с надписью «Вскрыть после моей смерти!»! Володя – парень не самый умный, но, как нередко бывает в таких случаях, довольно хитрый. И он понял, что Дроздов снабдил его бомбой, которая может взорваться... у него под задницей! Вот он и решил подстраховаться! А, может, он даже постарался «допустить оплошность» – чтобы Дроздов «не прошёл мимо» этой записки?! Больше того: думаю, я не ошибусь, если предположу, что и Александр Николаевич знает, как о досье генерала Дроздова, так и об «аналитической записке» генерала Крюčkова. Вот, уж, действительно: знание – сила!

«Разгрузившись от души», Полковник вернулся к тексту.

«Суждения Яковлева были не просто крамольными. Он считал СССР империей, выступал за независимость республик – и всё это не в формате «почти не таясь»: открыто! Что же касается России, то ни одного доброго слова о ней от Яковлева не слышали не только иностранные дипломаты, но и свои. Прямо – «тюрьма народов»! Удивляло лишь то, что компанию России неожиданно составил... Азербайджан: Яковлев необъяснимо плохо относился к этой республике и её народу, хотя никакого «армянского следа» в его биографии не просматривалось.

В досье генерала Дроздова имелся и перечень «хлопотунов» за Яковлева. Фамилии меня не удивляли: я ведь не с Луны свалился на должность – из ЦК партии. А, значит, обязан был «находиться в курсе». Поэтому, как должное, я и воспринял не только фамилии Арбатова, Иноземцева, Бовина и Шахназарова – традиционных наших «не наших», но и фамилию Горбачёва. Михаил Сергеевич не побоялся «высочайшего гнева» патрона – и тоже «подписался под ходатайством». Это «ж-жу», как сказал бы Винни-Пух из мультфильма, было неспроста: Михаил Сергеевич «мусор» не подбирал. Значит, намеревался использовать Яковлева. А ведь использовать его можно было только в одном качестве: разрушителя!».

– Неплохо для «недалёкого» Крюčkова! – уважительно покачал головой Полковник. – Да и, так ли, уж, недалёк Владимир Александрович, как об этом говорят?! Пока то, с чем я ознакомился: мысли, слог, выводы – отнюдь не свидетельствуют в пользу этой версии. Может, и я ошибался насчёт Крюčkова, не признавая за ним «философической сложности» и «достоинств Штирлица»?! Во всяком случае, выходит, что не у одного меня – «правильные глаза» на Яковлева...

«Именно Горбачёв устроил Яковлева в престижный Институт Мировой Экономики и Международных Отношений (ИМЭМО). И не ночным сторожем: директором! И в ЦК, в Отделе пропаганды, Яковлев оказался исключительно благодаря „руке Горбачёва“. Удивительно – но Андропов промолчал! Может, Юрию Владимировичу уже не до этого было?! Но ведь не помешала ему болезнь основательно взгреть зарвавшихся Шахназарова и Арбатова! Значит – что-то другое? А что именно?! „Напел“ Горбачёв? „Забил Мике баки“? Не-е-ет: Юрия Владимировича „на фу-фу“ не возьмёшь! Как ни „пой“ – а он всё равно останется при своём мнении, да ещё и тебе его навяжет! Значит, он – заодно с Горбачёвым?! Но этого быть не может: это Горбачёв – заодно с ним! Андропов – коммунист до мозга и прочего ливера, а Горбачёв... Горбачёв – даже не проститутка: ведь проститутка была когда-то честным человеком! На мой взгляд, Горбачёв – затаившийся враг, и вряд ли идейный: скорее – „засланный“! Ну, как тот „казачок“: лазутчик!»

Полковник засмеялся – и отложил чтение. С каждым предложением Крючков нравился ему всё больше. Но – только своими мыслями, которые он отважился доверить лишь этому... ну, пусть будет: дневнику. Ведь открыто о своих симпатиях и антипатиях Владимирович Александрович не заявлял и не заявляет. Да и как вся эта «правильная» откровенность согласуется с информацией о том, что Крюčkова патронирует Яковлев?! Для чего тогда Владимир Александрович разоблачает Александра Николаевича – и сам разоблачается?! Опять страхуется? И опять – от Яковлева и Горбачёва? Получается, что Крючков – хрестоматийный «двойной агент»: и вашим, и нашим?!

– Ставим знак вопроса!

Полковник «обозначил вешкой» сомнения – и вернулся к тексту.

«Дроздову удалось также выяснить, откуда „растут ноги“ сомнительной дружбы Яковлева и Горбачёва. Оказалось, что лет пять назад, в самом конце семидесятых, Горбачёв во главе делегации Верховного Совета побывал с визитом в Канаде».

– ???

Полковник не мог отреагировать иначе на этот пассаж Крюčkова: по официальной информации, которая подтверждалась и неофициальной, во главе делегации Верховного Совета Горбачёв побывал в Канаде в августе-сентябре восьмидесят второго, незадолго до финала Леонида Ильича. Хотя, в любом случае, что тут требовалось «выяснить»: достаточно было прочитать газету, в крайнем случае – протокол!

– Может, был ещё какой-то визит, о котором, если и упомянули, то одной строчкой где-нибудь «в подвале», на третьей полосе?

Полковник вынужден был поставить ещё один знак вопроса.

– «Яковлев, как посол СССР, взял его тогда под опеку: заливался соловьём по поводу „капиталистического рая“, не забывая потоптаться на „советском тоталитаризме“. В целом – за минусом идеологических вольностей – Яковлев произвёл на Горбачёва неизгладимое впечатление, тем более что тот и не собирался его изглаживать. По возвращению домой Михаил Сергеевич высоко отозвался о работе посольства и лично посла. С его оценкой – как минимум, в части посла – многие тогда не согласились, но Михаилу Сергеевичу было на это наплевать: для себя – и для Яковлева – он уже всё решил».

– Хм! – в очередной раз одобрил Крюčkова Полковник – и перевернул страницу.

– «А ведь Горбачёва к тому времени уже просветили насчёт „тёмных пятен на солнце“, с которыми „солнце“ давно уже поменялось ролями! Михаил Сергеевич был в курсе – и не первый год – о том, что первые данные на Яковлева поступили ещё в 1960 году. Тогда Яковлев и его такой же „идейный“ дружок Калугин оказались в Колумбийском университете, где и учились целый год, правда, неизвестно, чему больше. По данным источников КГБ „по месту учёбы“, оба вступили в несанкционированные контакты – и не с простыми американскими парнями, с простыми американскими парнями из ФБР! Калугин тогда прикрылся стажёром Бехтеревым,

который этой истории не касался никаким боком. Ни в чём не повинный Бехтерев на многие годы стал невыездным. А Яковлев представил свой контакт с ФБР более „патриотично“: как оперативное задание с целью получить данные из закрытой библиотеки. Сейчас трудно понять, отчего эту „туфту“ приняли тогда на веру. На Яковлеве всего лишь „сделали отметку“ – но заслуженный крест на нём не поставили!».

– Как же ты, Владимир Александрович, с такими мыслями да под такие факты, стал контактом Яковлева?! – покачал головой Полковник. – Или эта бумажка была писана «до того, как...»? Или это – твое «политическое завещание» – «на всякий пожарный случай»?! Может, ответ – дальше?

Полковник скользнул глазами по тексту, и уже собрался перемахнуть несколько страниц «лирических отступлений», как его глаз, зацепившись за какое-то слово, вернул хозяина назад.

«Канадцы – уж, на что, вежливые люди, не брезгливые, принимавшие услуги от всех „услуждателей“ – а и те отмечали в Яковлеве ограниченность и работу только на себя. Но и они не отказывали Александру Николаевичу, как минимум, в одном достоинстве: потенциале разрушителя. Человек безжалостный и беспринципный, в этом качестве АНЯ (партийная кличка Яковлева от аббревиатуры ФИО) был незаменим».

Этими словами «мемуары» Крючкова заканчивались... бы: на последней странице уже от руки – скорее всего, от руки составителя досье генерала Дроздова – было написано «Продолжение следует». Именно за эти слова зацепился глаз Полковника. И если раньше он «не терял бдительности», то теперь лишился и способности... потерять: как-то сразу почувствовал, что «пахнет жареным... фактом» – и, возможно, из биографии уже самого Крючкова.

Стрепетом и надеждой, словно листы древнего фолианта, он осторожно перевернул страницу.

«Я несколько поторопился с «опубликованием завещания...».

– Ах, всё-таки, я прав! – усмехнулся Полковник. – Документ явно предназначался для «неофициальной реабилитации» автора. И де-факто автор сознаётся в том, что запустил его в работу. Интересно, отчего же он захотел «выйти вторым изданием: исправленным и дополненным»?

Полковник вернулся глазами на текст.

«Я думал, что рассказал всё, что знаю. Но оказалось, что это – не так: я не рассказал всего, что знаю... о самом себе! Причина – не самая приятная: в последнее время усилились разговоры о том, что Крючков – «на крючке» у Яковлева. Должен сразу же заявить: это – небольшое преувеличение. Думаю, правильнее было бы сказать, что мы – «на крючке» друг у друга. Да, вынужден признать: я – тоже «на крючке». Но, если мой «крючок» – знания о прошлом Яковлева, то его «крючок» – знания о будущем... Крючкова!

И, если Яковлев «попался на крючок», то я «сам себя насадил»! Как такое могло случиться? «Фамилия» отгадки: Горбачёв. Это он попросил меня «порадеть родному человечку», которого одолевают нехорошими слухами нехорошие же люди. Когда я напомнил Михаилу Сергеевичу о том, что я и сам, некоторым образом, отношусь к «нехорошим людям с нехорошими слухами» – и даже поделился с ним частью «слухов» – он сказал мне:

– Не надо преувеличивать, Владимир Александрович. Но даже не это – главное. Главное – то, что мы с тобой – из одной команды... с Александром Николаевичем.

После такого «зачисления в ряды» мне оставалось лишь оторопеть взглядом – и я оторопел. Но ненадолго: noblesse oblige (положение обязывало) меня поправить Михаила Сергеевича.

– Я считал, что мы – из одной команды... Юрия Владимировича. А, насколько мне известно, Яковлев в эту команду не входит.

– «Всё меняется, всё течёт!» – философски заметил Горбачёв, причём, философия его была с каким-то сатанинским «подтекстом на лице». – Ты же понимаешь: «ничто не вечно под Луной». А живые думают о живых!

Это прозвучало настолько многозначительно, что я оперативно задумался о живых... в лице самого себя. Тем более что Горбачёв буквально не давал мне опомниться.

– Пойми, Володя: Юрий Владимирович «сходит»...

– «И, в гроб сходя, благословил»? – отважился даже пошутить я.

– Именно! – не пошутил Горбачёв, и для этого ему не потребовалось никакой отваги. – Но ты ведь понимаешь, что это обстоятельство никак не устраивает других «товарищей по партии». И для того, чтобы «благословение» Юрия Владимировича сбылось, нам надо держаться друг друга! Или ты – с нами, или ты – с ними: третьего не дано! А с нами – значит, и с Александром Николаевичем. Чтобы, там, о нём ни говорили – а Яковлеву надлежит сыграть колоссальную роль в грядущих событиях. Я бы даже сказал: судьбоносную! И это не я определяю его на эту роль: сама жизнь! Более верного и более талантливого соратника у меня нет! Так, что, решай: если ты со мной – то и с ним!

Горбачёв помедлил – и многозначительно добавил:

– Я уважаю Виктора Михайловича Чебрикова – но он человек Андропова, и не торопится стать человеком Горбачёва. На этом месте я вижу другого человека. На этом месте и в КГБ, и в Политбюро.

Глаза Михаила Сергеевича при этом видели только меня – пока ещё на том месте, где я стоял. Но я как-то сразу увидел... что меня увидели! Прямо: «я знаю, что ты знаешь, что я знаю»!

– Александру Николаевичу понадобится деятельная помощь КГБ в борьбе за очищение социализма от... от... всяческих наслоений... из неправильных идей и неправильных людей. И будь уверен, Володя: он не останется неблагодарным. Я – тоже... в случае, если ты верно ориентируешься «по месту».

Михаил Сергеевич положил руку мне на плечо. По-дружески, так, положил – как он это умеет... когда захочет. Вернее – когда ему нужно... что-то от тебя.

– Андропов уходит, Володя. А без него ты не удержишься даже на своём нынешнем месте: ни Романову, ни Гришину ты не нужен! А у тебя – потенциал, Володя: ПГУ для тебя – не предел. У тебя – задатки политика.

«Уж, сколько раз твердили миру, что лезть гнусна, грязна – а всё не впрок...». Не знаю, где, там, Горбачёв разглядел задатки – только я понял: надо быть последним дураком, чтобы не „клянуть“ на эту „мульку“! Вот и весь „крючок“. Я не изменил своему мнению насчёт Яковлева: я всего лишь „нанялся в работники“. А, что, разве так не бывает: терпеть не можешь начальника – а пашешь на него, как вол? Да – сплошь и рядом! Я всего лишь не стал исключением».

«Дочитай» точку, Полковник усмехнулся: Крючков «отмазался» на все стороны. На всякий случай...

Глава тридцать третья

«По военной дороге шёл в боях и тревоге боевой восемнадцатый год...» – пелось в известной песне времён гражданской войны. Теперь «на дворе стоял» год восемьдесят четвёртый – но дорога от этого не перестала быть «военной»... мирного времени, да и боёв с тревогами не стало меньше, пусть и иного характера.

Во второй раз за год с небольшим страна готовилась провожать Генерального секретаря. Нет, Юрий Владимирович, слава Богу, был ещё жив. Хотя – за что слава тому Богу?! Слава ему была бы, если бы Андропов жил – и не «ещё», а просто: жил и работал. Поэтому – лучше так: Юрий Владимирович был ещё жив. Биологически жив: политически он «умер» ещё на декабрьском Пленуме. Народ у нас – понятливый, поэтому ему не требовалось объяснять, что значит: «на Пленуме был зачитан доклад Генерального секретаря ЦК».

Медики во главе с Чазовым, «лейб-медиком Политбюро и Генеральных секретарей», боролись уже не с болезнью и даже за жизнь Юрия Владимировича, а за своё будущее. Нет, речь не шла о буквальном предъявлении им обвинения формата «кто хочет сделать, ищет способы, кто не хочет – оправдания». Медицина сделала всё, что могла – но болезнь сделала больше: всё! Всё, что нужно было для финала Андропова.

Поэтому Четвёртое управление занималось сейчас тем, чем и полагается заниматься в подобных случаях: «мёртвому припарками» и ожиданием конца мучениям Юрия Владимировича... и своим – тоже. Нельзя сказать, что ожидание было спокойным: и клятва Гиппократова не позволяла, и клятва члена КПСС. Но, главное: не позволяло «бдящее око» Политбюро.

К Юрию Владимировичу теперь каждый день наведывался хотя бы один член или кандидат в члены. Чазов пытался играть в строгого доктора – но гости быстро воззвали к его «чувству ответственности» – и он перестал злоупотреблять терпением вершителей судеб: вершители могли свершить и его судьбу.

По большому счёту – и по любому другому тоже – Евгений Иванович не нуждался в «воззваниях»: сам мог «воззвать» к кому угодно и к чему угодно. Семнадцать лет у «монарших» тел – не один день! Как говорил «товарищ Саахов»: «Торопиться не надо!». Чазов готов был повторить этот лозунг – но с небольшим уточнением: «Торопиться не надо... делать глупости!». Он понимал: сейчас – его время. «Верха» изготовились к «дружбе между народами», как две военные машины времён Великой Отечественной. Оказаться «раздавленным» – плёвое дело. Но ведь можно и присоединиться к «дружбе» – и с обеих сторон! Как говорил уже другой персонаж – Александр Иванович Корейко: «Хорошие счетоводы везде нужны». Евгений Иванович имел все основания экстраполировать этот вывод и на себя: хороший политический медик никому ещё не помешал... уже лишь тем, что помешать мог очень многим! Помешать жить – или умереть! И не только физически, но и политически!

Чазову требовалось лишь соответствовать главной политической установке нашего времени – двум «у»: «угадать» и «угодить»! Поэтому умудрённый опытом Евгений Иванович мудро не стал мудрствовать лукаво – и посвятил в тайны жизни и смерти Юрия Владимировича все заинтересованные стороны. Да, сколь кощунственно это бы ни звучало, но можно и нужно сказать именно так: «заинтересованные стороны». Ибо все участники политической драмы, которая в КПСС – куда тем шекспировским! – были заинтересованы в исходе... Генерального секретаря в мир иной.

Не Юрия Владимировича Андропова – Бог с ним: Генерального секретаря! Жизнь и смерть «человека в фамилии Андропов» не представляла стратегического интереса ни для кого, кроме его близких. Иное дело – вторая составляющая: «Генеральный секретарь». Потому что вторая она – лишь по счёту: по значению она – первая.

Евгений Иванович уже знал, что, хотя «военные машины и изготовились», масштабных боевых действий не предвидится. Всё сведётся к боям местного значения, мелким операциям с целью «уточнения позиций» и перегруппировке сил. Как «придворный медик высшего ранга», Чазов был

в курсе всех наиболее значительных «подковёрных» манёвров. По состоянию на время «ч» – день исхода Генсека, который в формате «со дня на день» ожидался уже третью неделю – ни одна из противоборствующих сторон не имела решающего перевеса. Отсюда следовало, что ни Горбачёв, ни Романов «шапку Мономаха» пока не готовы были примерить. А уже отсюда следовало, что её временно возложат на голову «очередного Мишеньки Романова, слабого умом»: «второго секретаря ЦК» Черненко.

Как и все «посвящённые», Чазов знал: Константин Устинович Черненко не был «слаб умом». Будь это так, то человек, напрочь лишённый каких бы то ни было стратегических талантов, не прорвался бы во «вторые секретари» – да ещё в условиях такой жёсткой конкуренции. Сколько их было – всех этих претендентов в «Цезари»: Шелепин, Семичастный, Воронов, Полянский, Подгорный, Мазуров, Косыгин, Машеров! И где они теперь?! «Нигде» – кто в политическом, кто в житейском «нигде»! А Константин Устинович тихой сапой добрался до второй ступеньки – и теперь готовился занять первую! Ладно, пусть не «Божьим соизволением» – а сговором непримиримых врагов – но первую! Пусть – «калиф на час», пусть – «хоть день – да мой!» – всё равно ведь «калиф», всё равно – «мой день»!

Нет, Константин Устинович, конечно, не полагался на «добрую» волю товарищей – по причине отсутствия и таковой, и таковых. Поэтому с самого начала... конца Андропова он принял активное участие в «самовыдвижении... без самовыдвижения». В «самовыдвижении де-факто» – без «афиш» и прочих «заявок на участие». Черненко «всего лишь» чётче обозначил «Второсекретарское» «Я». Это, прежде всего, проявилось в «усилении им тезиса о моменте своего руководства». Константин Устинович стал активнее выступать в роли «мудрого Соломона», который способен «развязать узел без всех этих эксцессов с мечом». В отличие от Горбачёва и Романова с их напряжённым ожиданием схватки, он демонстрировал спокойную уверенность в себе и своих силах, даром, что тех и у инвалида первой группы было значительно больше.

Умудрённый опытом жизни на кремлёвском «Олимпе», Черненко активно не примыкал ни к одному лагерю, умело арбитрировал – и даже обозначал потуги на занятие исключительно делами страны. Это производило впечатление. С учётом «патовой ситуации», в которой оказались главные «игроки», кандидатура Черненко представлялась единственным «лучом светом в царстве тьмы». Время давало Константину Устиновичу шанс, не на подвиги, так на анналы – и ему оставалось лишь заверить товарищей... в безысходности ситуации, которая вынуждает их сделать «правильный выбор».

Изучив досье Черненко, Полковник не мог не уважить немногочисленные таланты Константина Устиновича – а они, таки, имелись, при всей обоснованности заявлений об их полном отсутствии. Обоснованность – вместе с заявлениями – относились к «общечеловеческим талантам» и талантам стратегического назначения, в наличии у себя каких – и тех и других – Черненко замечен не был.

Но таланты иного класса – тактического – у Константина Устиновича водились! И главным из них являлся тот, что он, этот классический «полководец без армии», не стал дожидаться, пока товарищи «обречённо поднимут руки»: сам пошёл навстречу этой «обречённости». То есть, он не стал полагаться на заведомую обречённость. Несмотря на заверения товарищей, личными телодвижениями Черненко сам «заверил» их. На этот раз – в том, что они действительно «обречены на него». Это было и мудро, и гуманно: «соратники», тем самым, избавлялись от мук сомнений. Нет выбора – нечего и голову ломать, не говоря уже о копьях!

В интересах дела – прежде всего, лично своего – Константин Устинович не стал уповать на расплывчатые временные рамки, определяемые последним вздохом Генсека. Он сам пошёл навстречу товарищам – чтобы закрепить прежние договорённости, оформить их надлежащим образом и помочь коллегам раз и уже навсегда избавиться от ненужных иллюзий на тему «всё ещё может быть». Тогдашние «смотрины» надо было превратить в сегодняшний выбор.

Конечно, он допускал верность товарищей «итогами предварительного голосования» – но исключительно в формате «Бога», на которого «надейся – а сам не плошай». Да и «повторение – мать учения», а «хорошего много не бывает» – доводы не хуже. Особенно – в контексте непрекращавшейся «подковёрной дружбы» Романова и Горбачёва. Нужно было успокоить общественное мнение... Политбюро – теперь уже окончательно. Нужно было показать, кто в кремлёвском доме есть «ху».

Как следствие, если инициатива первой встречи принадлежала Тихонову, то на вторую «народ» созывал уже сам Черненко. Формальным актом «капитуляции» могла явиться лишь встреча «уполномоченных противоборствующих сторон». Кандидатов на эту роль Константину Устиновичу и не потребовалось выбирать: их уже выбрала жизнь. Точнее: политическая жизнь. Да и, как говорится, «виделись уже!».

Поэтому форматом встречи могла быть только «пятёрка» – классика ещё сталинских времён. «Всё новое – это хорошо забытое старое» – и поэтому встречаться должны были всё же те же лица: Громыко, Гришин, Тихонов, Устинов и сам Черненко. Те же, что уже встречались совсем недавно – и по тому же вопросу. Но та встреча была «неофициальной», «разминочного характера», имевшей целью больше развести по углам непримиримых противников, чем объединиться вокруг кандидатуры Черненко.

Теперь же Константину Устиновичу нужно было срочно легализовать достигнутые «предварительные договорённости». Именно «легализовать», чтобы знакомить Пленум уже не с мнением, а с согласованным решением Политбюро. Выражаясь «гражданским языком»: выдвинуть ультиматум, и отрезать пути к отступлению. В развитии ситуации требовалось немедленно поставить точку: последние телодвижения противников, хоть и не по его адресу, Константину Устиновичу совсем не понравились. Они вносили смуту не только в жизнь кремлёвского «Олимпа», но и в душу «вроде бы избранного уже» Генсека.

Громыко и Устинову нелегко было вновь оказаться за одним столом с Тихоновым и Гришиным, особенно с учётом того, что стол этот находился не в комнате заседаний Политбюро. Инициативу – как всегда в последнее время – взял на себя Черненко. Константин Устинович просто объяснил «товарищам от товарища Горбачёва», что отсутствие «товарищей от товарища Романова» сделает встречу в усечённом формате ненужной, а её итоги – незаконными.

Участники собрались на «нейтральной территории»: в кабинете «второго секретаря». Отношение «товарищей» к выбору места встречи было двойственным. С одной стороны, Константин Устинович выказывал себя настоящим джентльменом: несмотря на «предварительное избрание», он не претендовал ни на кабинет Юрия Владимировича, ни на комнату заседаний Политбюро. То есть, ненавязчиво, но понятно, не намекал. Но, с другой стороны, попробуй сохранить объективность в кабинете хозяина?! Тут даже «внешние приличия» вынуждают к консенсусу!

«Открывая заседание», Черненко покосился на календарь: восьмое февраля. Следом за ним туда потянулись и глаза остальных участников: взгляд Константина Устиновича был явно не случайным – и товарищи верно истолковали намёк.

– Да, товарищи, – «закрепил подозрения» Черненко, – уже – восьмое февраля...

Многозначие в конце «заявления» Константина Устиновича оказалось не случайным. Некоторое время он молчал – не столько пережидая очередной приступ лёгочной недостаточности, сколько давая товарищам возможность подготовиться к неизбежному переходу. Това-

рищи поняли и это – и, насколько было возможно, подготовились. Мысленно поблагодарив коллег за готовность, Черненко опять «взялся за них и за слово»:

– ... Думаю, нам не имеет смысла таить друг от друга личную осведомлённость каждого в делах Юрия Владимировича.

Товарищи дружно, «в унисон», отскорбели взглядами. Сюжет развивался по колее, уже накатанной предыдущим заседанием. Даже слова – и те не отличались разнообразием. Классический «дубль второй».

А Черненко так и вовсе оказался молодцом: «брал быка за рога» даже «без предисловия». Такой «запев» и настраивал, и расстраивал, и поднимал дух, и деморализовал – и всё это одновременно. Видимо, беря слово, Константин Устинович на такой эффект и рассчитывал.

– По информации врачей, в том числе, и лично академика Чазова, событий можно... даже нужно ожидать уже не со дня на день, а с минуты на минуту. Около двух недель Юрий Владимирович уже не живёт, а существует. У него систематически происходит выпадение памяти, то есть, большую часть времени он находится в бессознательном состоянии. Почки отказали полностью, «гемодиализ» не помогает, вследствие чего в крови больного образовалась критическая масса калия.

Черненко замолчал явно не по сценарию – и вздохнул, тоже – явно не от эмфиземы.

– Видимо, каждому человеку назначен свой предел.

При этих словах все участники «застолья» старательно отвели глаза друг от друга: «врач, исцели себя!». Ведь слова Черненко о пределе Андропова в не меньшей степени можно было отнести и к самому Константину Устиновичу. В том числе, и это обстоятельство учитывалось «товарищами», когда они «готовились к избранию» – и не в последнюю очередь.

Константин Устинович тоже молчал, пусть и не заодно с «товарищами», но одновременно: вероятно, и его одолевали те же мысли. Но – «взялся за гуж...». Точнее: прежде чем «нести крест», надо было ещё «взвалить его на себя». И Черненко продолжил «взваливать».

– Но, как это ни печально всем нам признавать – однако жизнь не кончается смертью... Юрия Владимировича... Хм... хм...

Черненко закашлялся – и опять не от эмфиземы, а очень даже многозначительно. Настолько многозначительно, что даже взаимная неприязнь не помешали остальным участникам заседания обменяться друг с другом изумлёнными взглядами. И то: «По второму кругу, что ли, Константин Устинович?! Давай уже – о Юрии Владимировиче!».

– Я – к вопросу преемственности, товарищи, – наконец, прокашлялся Черненко, старательно не поднимая глаз. – Пора известить аппарат ЦК... и товарищей на местах...

Заключительное смущение Константина Устиновича явно адресовалось не Юрию Владимировичу и «его светлому образу». Вероятно, именно по этой причине Тихонов не выдержал первым.

– Кон – стан – тин Усти – но – вич! – укоризненно протянул он. – Мы же уже всё решили! Я-то думал, что мы собрались по поводу Юрия Владимировича – а тут какое-то недоразумение!

Премьер оглянулся на «широкие народные массы».

– Или я так думаю по своей наивности?

– Да, конечно, решили! – не усидел на месте Гришин. – И не просто «решили» – а по существу! Дмитрий Фёдорович, как ты считаешь?

В решающие моменты Виктор Васильевич, как обычно, не только «спрямлял дорогу», но и «шёл напролом», хотя никто из посвящённых не мог заподозрить его в отсутствии талантов по части обходных маневров.

Устинов отчего-то покосился на Громыко – и кивнул головой.

– Так и считаю. И потому я предлагаю не открывать прений.

– А я заодно предлагаю не открывать второго тура голосования, – усмехнулся Тихонов.

Лицо Черненко порозовело – и снова явно не от эмфиземы.

– Товарищи, вы меня не так поняли... Я всего лишь – на тему оповещения аппарата...

– Оповестим в своё время, Константин Устинович! – «воспользовавшись многоточием», решительно «не так понял» Тихонов. – А за «непонятливость» – извини! Конечно, ты не хуже нас знаешь, что «*Pacta sunt servanda*», как говорили древние римляне: «договор должен исполняться». А мы уже решили, пусть и неофициально, рекомендовать Пленуму для избрания Генеральным секретарём ЦК кандидатуру товарища Черненко, Константина Устиновича. Так, что с этим вопросом давно всё ясно. Не так ли, товарищи?

Взгляд Тихонова пробежался по лицам Устинова и Громыко – и остановился на лице маршала.

– Так, – отчитался за двоих министр обороны. Отчитался неуполномочено: за это говорило лицо Громыко, деформированное и окислившееся в тщетной потуге на радостную улыбку. Реакция Андрея Андреевича ни для кого из присутствующих не явилась откровением: все знали, что министр иностранных дел сам «питал» и «лелеял». Никого не удивляло и многозначительное «косоглазие» Устинова: все знали, что маршал наиболее активно не приветствовал этого «самовыдвижения». И, ладно, если бы он выступал от своего имени! Тогда Андрей Андреевич мог бы ещё продолжить «лелеять». Так, ведь нет: Устинов выражал мнение! И какое: господствующее!

По этой причине, а также наверняка памятуя историю с одним библейским товарищем, о котором другой библейский товарищ сказал, что «от красоты твоей возгордилось сердце твоё, от тщеславия своего погубил ты мудрость свою», Андрей Андреевич предпочёл всё глотать молча: и пилюлю, и слюни, и сопли. Разумеется, исключалось даже заикание... на тему альтернативных кандидатур.

Победительно искосив глазом соседа, Устинов встал из-за стола.

– Товарищи, разрешите мне от вашего имени вторично поздравить Константина Устиновича теперь уже с «официальной регистрацией кандидатом в Генеральные секретари».

На этот раз даже Громыко не составил исключения по части улыбки: Дмитрий Фёдорович лишний раз доказывал наличие у него чувства юмора, пусть и специфического характера, но совсем даже не армейского.

Константин Устинович счёл нужным тоже встать и даже зардеться. Правда, на этот раз он зарделся не от смущения, а от очередного «явления» эмфиземы. В пользу этого предположения говорило и то, что «предбудущему» Генсеку пришлось взять тайм-аут, чтобы переждать чудовищную одышку, больше напоминающую хроническую лёгочную недостаточность. Да напоминание и было не о сходстве, а о наличии у Черненко этого самого недуга.

– Спасибо, товарищи. Я, правда – по вопросу оповещения... Но, всё равно – спасибо... Примите и проч... То есть, оправдаю и докажу...

Оказавшись «избранным» вторично за непродолжительный срок, Черненко «перестал волноваться» – и захрипел уже рабочим голосом.

– Ну, а теперь я хотел бы перейти к вопросу отправления печальных обязанностей, связанных с достойными проводами нашего дорогого Юрия Владимировича Андропова.

«Дорогим» Юрий Владимирович для Константина Устиновича никогда не был, но в контексте с прилагательным «нашего» это «лёгкое несоответствие истине», как говорят в народе, «пошло с пивом». Да и таков, уж, русский народ – даже в Политбюро, что на похоронах о покойнике у нас – никаких «*aut nihil*»: только «*bene*». Это потом, выдержав норматив приличия, уже можно прибегать даже ко второй части выражения «либо ничего, либо ничего хорошего!». Так у нас, чаще всего, и делается – согласно традициям русского народа, частью которых и частью которого является и партия с её партийной этикой.

– Я понимаю, что нехорошо «хоронить» ещё живого человека, но мы должны подготовиться, чтобы известие не застало нас врасплох. Суеты не терпит не только «служенье муз», но и служение делу партии.

Оговорка была сочтена приемлемой – и все согласно закивали головами. Как следствие, подготовка к достойным проводам ещё живого человека никого из присутствующих не покорила.

– Комиссию по организации похорон – согласно неписанным партийным традициям – возглавляет у нас «второй секретарь» как будущий Генеральный. Возражений нет?

– Нет! – за всех покосился на часы Гришин: дело сделано – «пора и по домам».

– Принимаю на себя эту печальную обязанность, – «возложил первый крест» Черненко. – Все остальные вопросы, в том числе, и состав комиссии, решим в рабочем порядке. Всем спасибо. Ну, а я, с Вашего позволения – к Юрию Владимировичу.

Позволения Константину Устиновичу, разумеется, не требовалось, но он должен был отметить «вступление в должность» соблюдением ритуала: отправиться «за благословением» к отходящему вождю. На «благословение» рассчитывать не приходилось – из-за постоянных «сумерек» в сознании Юрия Владимировича – но положение обязывало.

Черненко появился в больнице около пяти часов вечера. Чазов не стал препятствовать внеурочному посещению не только потому, что «нарушитель режима» являлся «вторым секретарём» ЦК, но и потому, что здоровью пациента это посещение уже не могло принести вреда. В том числе – и «политическому здоровью». В решении академика присутствовал и элемент предвидения: несмотря на все разговоры о «скором восшествии» Горбачёва, опытный царедворец, Евгений Иванович не исключал ни одной альтернативы. Поэтому, на всякий случай, он благоволил всем соискателям сразу. Черненко, разумеется, «был в списке».

Перед Константином Устиновичем предусмотрительно распахнули двери палаты Юрия Владимировича. Но «предбудущий» Генсек в палату входить не стал: проник в неё одной головой, даже не переступая порога. Андропов, по традиции последних дней, «отсутствовал»: «ещё и не на небе, но уже и не на земле». Одного взгляда Черненко – «родственной душе», по аналогии с героями рассказа О. Генри – хватило для того, чтобы похвалить себя за предусмотрительность: назначение председателя комиссии по организации похорон опережало «статус покойника» вряд ли больше, чем на несколько часов.

В следующий миг лицо Константина Устиновича искривилось от жалости – и не только к Юрию Владимировичу, но и к самому себе: он вдруг представил, что и сам – вот так же... По причине избытка чувств Константин Устинович даже прослезился. Это произвело благоприятное впечатление на окружающих: «хоть и соискатель – а всё же человек!». До причин слезотечения – как и до самого Черненко – докапываться, разумеется, никто не стал.

Утерев слёзы, Константин Устинович повернулся к Чазову, который лишь из политического такта не предложил секретарю ЦК носовой платок.

– Евгений Иванович, Политбюро нужен прямой и честный ответ на вопрос: когда?

Глаза Чазова широко распахнулись.

– «Политбюро нужен»?

Распахнувшись, глаза уже в следующий момент исполнились понимания. Вместе с ними понимания исполнился и сам Евгений Иванович. То есть, он понял, что Черненко неспроста прибыл именно сегодня и именно сейчас. И ещё он понял, что неспроста прибыл именно Черненко.

– Ну, что ж, Константин Устинович... Если так стоит вопрос – то вот мой ответ... от имени всего медперсонала: конца мы ждём уже две недели. Что его держит – непонятно... Никаких «скрытых ресурсов» там нет и в помине. Может – наши «мёртвому припарки»?!

– Не дают «вернуться» – но и «уйти» не дают?! – догадался Черненко.

– Скорее, «цепляют», чем «не дают», – болезненно поморщившись, уточнил Чазов. – Но и их надолго не хватит...

– «Надолго» – это насколько?

Чазов не посмел отвести взгляд от требовательных глаз Черненко.

– Моё мнение: день – два...

– Значит: сегодня – завтра?

– Да...

– Спасибо, Евгений Иванович, за честность и прямоту.

Черненко протянул руку – и в благодарность, и на прощание.

– Думаю, Политбюро должным образом оценит эти Ваши качества.

Обещание прозвучало несколько двусмысленно, но Евгению Ивановичу хотелось думать, что в словах Константина Устиновича не было «второго дна»...

Глава тридцать четвёртая

Теперь Полковник не испытывал недостатка ни в источниках информации, ни в ней самой. Его «по кремлёвским нормам для внутреннего пользования» – то есть, щедро, а не от щедрот – снабжали и ГРУ, и ПГУ, и ЦК партии, и «простые советские граждане» из числа «симпатизантов лично Полковника». Это позволяло расширить круг поисков «гвардейцев кардинала» – Михаила Сергеевича Горбачёва – на всех уровнях власти и её obsługi. «Сеть» отныне была настолько «частой», что «не уважить её личным присутствием» для сторонников Горбачёва «в центре и на местах» становилось делом почти фантастическим.

Основное внимание Полковник уделил ближайшему «резерву на выдвижение». Самыми «ближайшими» в нём значились Лигачёв Егор Кузьмич – бывший первый секретарь Томского обкома, Рыжков Николай Иванович, профессиональный машиностроитель и первый зам Председателя Госплана по последней должности, Яковлев Александр Николаевич, «с которым всё было ясно и без биографии», Ельцин Борис Николаевич, пока ещё первый секретарь Свердловского обкома, человек того же «розда», что и Яковлев, Медведев Вадим Андреевич, профессиональный «учёный от КПСС», и Разумовский Георгий Петрович, профессиональный чиновник КПСС. Был ещё и Шеварднадзе – но он уже давно «был». Его кандидатура могла удивлять, разве что в соседстве с фамилией Горбачёва и его планами: Эдуард Амвросиевич во всесоюзном масштабе не был никем, кроме «лизоблюда союзного значения».

– Лигачёв...

Полковник даже поморщился от досады. Личность этого человека не должна была вызывать его профессионального интереса – и, тем не менее, вызывала. Путь Егора Кузьмича наверх был ничем не примечательным, а биография – совсем даже не героической: МАИ, несколько месяцев заводского стажа – и «профессия» «слуги народа»: комсомол, ВПШ, райком, обком, небольшой чин в ЦК – и восемнадцать лет Первым в Томске.

По волеизъявлению Юрия Владимировича, Егора Кузьмича вторично – после 1961 года – позвали в Москву, и с апреля 1983 года он – заведующий Отделом организационно-партийной работы. А совсем недавно, в декабре, уже заканчивающийся – потому что кончающийся – Андропов «возвёл его в достоинство» секретаря ЦК. Член ЦК с 1976 (кандидат в члены – с 1966).

«Обычный путь честного служаки» – на законных основаниях мог констатировать Полковник, а следом за ним повторить и все остальные «историки КПСС». И так и было бы, если бы не одно «но»: Лигачёв был, хоть и поздним, но дитятей хрущёвского времени. Кроме официальной даты рождения: двадцатый год, Егор Кузьмич имел ещё и дату своего духовного рождения: пятьдесят шестой, или «третий год от Рождества Хрущёва». А, значит, он сильно не любил Сталина, и, если не замыслил собственного «переустройства социализма», то, как тот пионер, был «всегда готов!» к любому призыву реформаторов. И этого тяжкого греха не могла извинить даже личная порядочность Егора Кузьмича.

Почти «из того же теста» был и Медведев, Вадим Андреевич. Только, в отличие от Лигачёва, этот «избранник удачи» «всю дорогу» работал больше языком, чем руками. Да он и сам предпочитал общению с людьми общение с бумагами. «Творческий путь» его красноречиво подтверждал этот вывод: Ленинградский университет, преподаватель, завкафедрой политэкономии, секретарь горкома, замзав. Отделом пропаганды ЦК, ректор Академии общественных наук (бывшая ВПШ). Именно на этой должности его параллельно друг другу и присмотрели Яковлев с Горбачёвым – и Михаил Сергеевич рекомендовал его Юрию Владимировичу на Отдел науки и учебных заведений ЦК. До членства в ЦК Медведев не дорос: на двух последних съездах избирался всего лишь членом ЦРК – Центральной Ревизионной Комиссии.

По сведениям из надёжных источников, Вадим Андреевич намечался Горбачёвым на секретаря и Отдел ЦК «с заходом» в Политбюро.

Совсем иное дело был Рыжков, Николай Иванович. Ровесник Медведева – оба с двадцать девятого года – он прошёл путь честного инженера, от сменного мастера до генерального директора «Уралмаша». При Леониде Ильиче был первым замом министра тяжёлого и транспортного машиностроения СССР, а последние три года физического существования Генсека – Первым заместителем Председателя Госплана СССР. По заслугам этому человеку была прямая дорога в третьи по счету первые заместители – теперь уже Председателя Совета Министров СССР. Как профессионал машиностроения, он оказался бы там на месте – и даже смог бы принести пользу. Это был его «потолок»: на «премьера» он никак не тянул. Но Юрий Владимирович решил использовать не «уралмашевский», а госплановский опыт Рыжкова: определил Николая Ивановича в секретари ЦК с одновременным заведованием Экономическим Отделом ЦК, членом которого тот являлся с 1981 года.

С Яковлевым «было всё ясно», с Ельциным – тоже, кандидатура Шеварднадзе настораживала и удивляла одновременно – а, вот, Разумовский оставался «тёмной лошадкой». Он был самым молодым из кандидатов «наверх»: тридцать шестого года рождения – и самым не обременённым достоинствами (если за таковые можно считать партийные чины). Стаж его рабоче-крестьянской биографии исчислялся месяцами. А дальше шло, как «по накатанной»: комсомол, партия, крайком на подступах к отделам, отдел крайкома. С 1971 года Разумовский – в Москве, «на нижних этажах»: замзав сектором, завсектором Отдела организационно-партийной работы ЦК, завотделом Управления делами Совмина.

Вот на этой, с позволения сказать, должности, Михаил Сергеевич со своих высот и сумел разглядеть Георгия Петровича. Как это удалось Горбачёву – кто знает: наверно, и для этого нужен талант. Возможно, Михаила Сергеевича обнадёжило и даже обрадовало сходство «творческого пути» Разумовского и других кандидатов. Не абсолютное, конечно – скорее, некий симбиоз из обязательных ингредиентов: рабоче-крестьянское происхождение, вуз, совсем немного «станка» и «поля» – а дальше профессия комсомольского и партийного работника. Какое-то значение могло иметь и «сельскохозяйственное происхождение» Разумовского, но вряд ли слишком большое. Так же, как и относительное землячество двух южан.

По мнению Полковника, главную роль в «откапывании кандидатов», скорее всего, играли виды Горбачёва на всех «извлечённых из небытия» товарищей. А виды основывались не только на собственных планах, но и на личных данных кандидатов. Всех их объединяло одно – то самое, которое вызывало у любого среднестатистического коммуниста законный классический вопрос: «Вам, что: наша власть не нравится?!». Всем этим товарищам наша власть не нравилась – и очень сильно. Единственное различие между ними состояло в том, что одним она не нравилась в расчёте на её улучшение (Лигачёв и Рыжков), а другим – в надежде «выплеснуть воду вместе с ребёнком».

И таковых среди избранников Горбачёва было абсолютное большинство: все остальные. «Первую скрипку» в этом «оркестре» Михаил Сергеевич по заслугам отдавал «заслуженному антисоветчику» Александру Николаевичу Яковлеву. Правда, он не возражал и против «дележа скрипки» между Яковлевым и Медведевым: «матёрому волку антикоммунизма» «матереющий волчок того же самого» уже составлял достойную конкуренцию.

Таланты Разумовского тоже не оставались незамеченными Горбачёвым: их он намечал пристроить к делу обновления КПСС... до последнего коммуниста. Вероятно, «что-то такое» сумел разглядеть Михаил Сергеевич в Георгии Петровиче, что вознамерился придать Разумовского в помощь себе самому, Яковлеву и Медведеву – да ещё на полусамостоятельном участке работы... с членами КПСС: Отдел партийного строительства и кадровой политики ЦК! Де-факто Яковлев, Медведев и Разумовский должны были составить вершину «опричной гвар-

дии» Михаила Сергеевича со всеми её «реквизитами»: «волчьей пастью» и «метлой». Ну, чтобы «грызть» и «выметать».

Полковнику без труда удалось «предсказать» и дальнейшую судьбу Николая Ивановича Рыжкова. «Предсказать» существенно помогли «новейшие достижения науки и техники»... в кабинете Михаила Сергеевича и по месту жительства его же. Не остались в стороне от процесса и традиционные источники информации: ноги, руки, глаза, уши и языки. Поэтому сегодняшний Предсовмина Тихонов ещё продолжал строить «премьерско-наполеоновские» планы на девятый десяток лет – а Полковник уже знал, что местечко запланировано к освобождению с последующим занятием его товарищем Рыжковым.

Кандидатура Рыжкова удивляла только на первый взгляд. На второй уже становилось ясно, что мягкий, деликатный, порядочный и абсолютно неготовый к премьерству Николай Иванович нужен Михаилу Сергеевичу именно... благодаря своей неготовности к премьерству! Горбачёву был решительно не нужен человек знающий, опытный и «колючий, как дикобраз»! А это значило, что Горбачёв... или «заказчик-плательщик» – затевал процесс, прямо противоположный... строительству! Руководство Николая Ивановича гарантировало неуспех – и, если Горбачёв так «усиленно намечал» его именно на эту должность, значит, именно этого результата он и добивался!

Примерно такие же выводы следовали после ознакомления Полковника с взглядами Горбачёва на Шеварднадзе. От Эдуарда Амвросиевича Михаилу Сергеевичу не требовались таланты грузинского лидера по части «закручивания гаек», продавливанию русского языка и наведению порядка в экономике. За Шеварднадзе числились и другие достоинства, сомнительные лишь с точки зрения «ортодоксального коммуниста»: умение лавировать, «душить в объятиях», говорить одно, думать другое, а делать третье.

Но самое главное, что «накопал» Полковник в Шеварднадзе – Горбачёв сделал это чуть раньше: желание быть много большим, чем он есть сейчас! И не во всесоюзном масштабе: в мировом! И Шеварднадзе было, что предложить миру в обмен на причисление себя «к лику... клики»: военную и дипломатическую мощь СССР, союзников СССР, и, наконец – сам СССР!

Михаил Сергеевич и Эдуард Амвросиевич «совпали взглядами» во время нескольких зондажей, за которыми последовало взаимное признание в любви... к любви Запада. Как пела – со ссылкой на авторитетного товарища – одна советская (пока ещё) певица: «За это можно всё отдать!». Горбачёв с Шеварднадзе оказались готовы идти и дальше утверждения, заменив «можно» на «нужно»! После этой беседы – «распоследней доверительной», с которой Полковник «по техническим причинам» ознакомился с некоторым опозданием – Михаил Сергеевич мог считать ещё одну позицию закрытой: министерство иностранных дел. На первых порах он намеревался пустить Шеварднадзе тараном или «козлом в огород» – а когда тот прорубил бы окно... в Америку посредством дыры в советских границах – Михаил Сергеевич и сам облачился бы в наряд «миротворца... за счёт СССР».

Всеми этими людьми Горбачёв планировал «заселить» «господствующие высоты» – неприступные для противника, и «с хорошим сектором обстрела». Схватка предполагалась нешуточная – та самая, в которой пленных не берут. Поэтому в «пулемётчики» Михаил Сергеевич намечал людей, проверенных... не наших духом к СССР. Тех, которых и к пулемёту не нужно пристёгивать: «работать по большевикам» будут, если не до последнего большевика, то до последнего патрона – точно! Это был «политический спецназ» – правда, неизвестно, чей больше: Горбачёва – «или»...

«Нижние этажи» власти также подлежали засорению – «заселению», в редакции Горбачёва – нужными ему, но ненужными больше никому людьми. То есть, людьми, совершенно никчёмными, неспособными к созидательной работе даже языком. Именно по этой причине – отсутствие созидательного начала – они и потребовались Михаилу Сергеевичу... или его «работодателям».

Горбачёв не страдал политической брезгливостью: в дело у него шли даже «отбросы». Пусть не «отбросы общества» – так «отбросы политической жизни». Те, кто состоялся только по части зависти к более удачливым конкурентам. Самое любопытное заключалось в том, что все эти люди были «обилечены». То есть, все состояли членами – но коммунистом не состоялся ни один: не хотели – а, главное, не могли. И не в силу «полярной убеждённости»: таковой ни в одном не имелось и в зачатке. Причина была значительно проще: в каждом человеке для начала не хватало... человека. Потому что коммунист, прежде всего, был человеком. Для «билетноносца» же это состояние являлось атавизмом, и «где-то даже бревном на пути к индивидуальному прогрессу». Под таковым считался рост – но не над собой, а над всеми остальными. Повышать этот народ собирався не культуру, а персональное кресло.

В целом, народ служивый полностью соответствовал «полуподпольной частушке» на тему песни «Смело, товарищи, в ногу!»: «Вышли мы все из народа – как нам вернуться в него?!». Но, если перед «героями» частушки этот вопрос хотя бы стоял, то «герои ближних подступов к кремлёвским высотам» и не собирались возвращаться. Народ для них был чем-то в духе определения воеводы из «Сказки про Федота-стрельца» Леонида Филатова: «Там собрался у ворот этот... как его... народ!».

И, если кремлёвские «соратники» «соратничали в паучьей банке» всего лишь безобидными тарантулами, то эта публика работала друг по другу полноценными скорпионами и каракуртами. Вот, такой сильной была их «товарищеская любовь». Так, «неизвестно-за-что-академик» Арбатов ненавидел бывшее «правое ухо» Леонида Ильича Александрова-Агентова.

Последний – большой любитель и ещё больший профессионал выяснения отношений – не оставался в долгу, за компанию «уделяя внимание» и другим «переходящим помощникам» Блатову и Шишлину. И дело было не только в задиристости «Воробья» (кличка Андрея Михайловича): это была «нормальная дворцовая жизнь», как сказал бы Король из «Обыкновенного чуда» Шварца. Не он первый – не он последний. Не им начиналось – не им и закончится.

«Тоже академик» Николай Николаевич Иноземцев, не меньше других участвуя в «товарищеском общении скорпионов в банке», не забывал и о другой важной задаче: сближению позиций с американским империализмом посредством движения навстречу... со стороны СССР. В его представлении, американскому империализму – «демократии» в его же редакции – не нужно было «иттить навстречу»: он-де и так находился на нужном месте. На нужном и для СССР, в том числе.

Выходило, что Николай Николаевич не зря носил на себе кличку «Кока-Кола». И второе значение клички – производное от имени и отчества – было всего лишь... вторым значением. В своё время – а точнее, во времена Леонида Ильича – Иноземцев вместе с Арбатовым входил в группу Цуканова – группу «закоренелых антисталинистов», которые не позволили «ползучей рестаליнизации» стать... «стоячей». Георгия Эммануиловича, в конце концов, «профилактировали»... пинком под зад – но эти двое удержались, и перешли по наследству к Андропову.

Юрий Владимирович был, хоть и «самых честных правил», но не совсем правильных взглядов. Коммунистическая убеждённость, в том числе, и вера в методы, странным образом сочеталась в нём с демократическим идеализмом, столь вредоносным для России во все времена. Этим пытались воспользоваться «строители светлого будущего»... языком: иначе «строить» они не умели. Юрия Владимировича взяли в плотное кольцо, понуждая Генсека «принять вправо» – но Андропов вышел из окружения, да ещё с потерями для врага.

Именно так: вчерашние «условные друзья» стали безусловными врагами. И потери их были действительно тяжелы. Дело было не только в фамилиях – хотя и те ещё вчера громыхали: Арбатов и Бовин. Вопрос был значительно серьёзней. Даже серьёзней формулировок, с которыми вчерашних фаворитов проводили, а точнее, выпроводили... коленом под зад: «за высокомерие и распространение в беседах с иностранцами ненужной и вредной информации». (Здесь

Полковник имел законное право улыбнуться: его работа. Ведь именно его люди «просветили» Юрия Владимировича насчёт Арбатова и Бовина. Полковник не обольщался по поводу возможных результатов, но с паршивой овцы – хоть шерсти клок. Тем более что тут шерсть летела клочьями).

Главная же беда «несостоявшейся демократии» заключалась в том, что Юрий Владимирович оказался не готов... к демократии. Более того: повернулся к ней совсем даже не лицом. «Демократы» вздыхали: большевистское воспитание Генсека пудовыми гирями висело на ногах ещё и не родившегося в нём демократа. И это были не «родовые пятна» и не «рудименты»: неизлечимая «злокачественная опухоль», удалить которую можно было только... вместе с пациентом.

При таких «исходных» переориентация на другого, более перспективного, человека, уже не могла не начаться. Поэтому не будет ошибкой утверждать, что «из пункта А и пункта Б поезда вышли одновременно». Это было движение навстречу. Стороны искали друг друга – и нашли: «кто ищет – тот всегда найдёт». Отсюда: не только Горбачёв искал подходящих людей, но и люди искали подходящего Горбачёва.

Ищущих и нашедших – заодно и «найденных» – оказалось изрядное количество. И все – «одного поля ягода»: с одними речами – с трибун, и с совсем другими – в компании себе подобных. Пример: «завзятый комсомолист» Юрий Николаевич Афанасьев. Как «всем ребятам пример», этот товарищ был отправлен «по обмену» на учёбу во Францию. Вернулся же Юрий Николаевич уже один: без «товарища» и «комсомолиста». И ведь не помешало! Даже помогло: сразу пошёл «наверх»! И то: доктор наук, директор историко-архивного института!

А всё – друзья-приятели... по членству в КПСС и «тайному обществу её хулителей». Афанасьев не стал одиночкой на пути от партократа до соцдемократа и антисоветчика. Этой дорожкой – «не „прямохожей, не прямоезжей“» – прошли многие кандидаты в «гвардию» Яковлева и Горбачёва. Один перечень их фамилий занял бы не один лист: Бакатин, Ельцин, Примаков, Арбатов, Попов, Собчак, Заславская, Черниченко, Болдырев, Старовойтова, Гдлян... в целях экономии бумаги и нервов лучше остановиться.

Даже формально непримкнувшие составляли «резерв на выдвижение». Таким был свежизбранный Первый секретарь ЦК ВЛКСМ Мироненко – парнишка с ловким языком и ещё более ловкими руками. Не зря же Яковлев сразу посоветовал Горбачёву обратить на перспективного хлопца самое пристальное внимание. А сколько таких ещё «не высунулось из окопов»?!

Вот, для того, что этого не случилось, и «гвардия» так и осталась «солдатами запаса», а лучше выбыла бы из этих списков, Полковнику и требовалось определиться с «направлением главного удара». Отвлекаться «на мелкие гарнизоны в тылу» не следовало ни в коем случае: это же – гарантированная потеря темпа, а то и инициативы! Ситуация напоминала временное затишье весны сорок третьего на советско-германском фронте: каждая из сторон готовилась к решающему наступлению. Ошибка с направлением главного удара и временем начала операции исключалась...

Глава тридцать пятая

Юрий Владимирович продержался ещё почти сутки. Точнее: двадцать три часа и десять минут после ухода Черненко. Да и не сам продержался: видимо, смерть отвлеклась на другого товарища. Но 9 февраля в 16 часов 50 минут всё кончилось. Вернее: Юрий Владимирович кончился. Или, по общепринятой терминологии: «скончался».

Евгений Иванович сотоварищи не мучались с установлением диагноза: тот, как и заключение о болезни и смерти Юрия Владимировича, давным-давно уже дожидался публикации. Ничего придумывать и не требовалось: весь «букет» был известен даже сведущим дилетантам.

Поэтому в Заключении так и написали: «Страдал интерстициальным нефритом, нефросклерозом, вторичной гипертонией, сахарным диабетом, осложнившимися хронической почечной недостаточностью. С февраля 1983 в связи с прекращением функций почек находился на лечении „гемодиализом“.... В конце января 1984 года состояние ухудшилось в связи с нарастанием дистрофических изменений во внутренних органах и прогрессирующей гипотонией. 9 февраля 1984 г. в 16 часов 50 минут при нарастающих явлениях сердечно-сосудистой недостаточности и остановки дыхания наступила смерть. При патолого-анатомическом исследовании диагноз полностью подтвердился».

Пока одни люди, не спеша, обряжали Колонный зал в подобающий случаю наряд, другие... тоже не спешили. Ну, вот, некуда было теперь спешить. «Мишенька Романов» был избран, основные соперники «разведены по разным углам ринга» – и поэтому Константин Устинович мог блюсти внешние приличия по причине траура. Поэтому, вместо спешки с Пленумом, одиннадцатого февраля, в четырнадцать часов тридцать минут «во главе группы товарищей» он посетил Колонный зал, чтобы отдать дань памяти «наследодателю».

То ли по причине момента, то ли от волнения – но компаньоны опять построились не в алфавитном порядке. Принятое уже предложение Тихонова всё ещё не было воплощено в жизнь. В итоге, по левую руку от Черненко «отдавали дань в порядке очерёдности» Тихонов, Устинов, Гришин, Громько, Романов, Горбачёв, Соломенцев, Алиев и т. д. Григория Васильевича могло утешить лишь то, что он оказался впереди Горбачёва, зато позади Гришина и Громько, не говоря уже о Тихонове с Устиновым.

Романов терялся в догадках: что это? Самодеятельность? «Забывчивость»? Приверженность догмам? Умысел? Если умысел, то – индивидуальный или от Черненко?

Теряться в догадках Романову предстояло вплоть до тринадцатого февраля – дня проведения Пленума. В контексте «соблюдения приличий» Константин Устинович предложить собрать Пленум лишь накануне дня похорон Андропова. Черненко не опаздывал: Пленуму оставалось лишь «юридически оформить» принятое решение.

После «сдал-принял» в духе «король умер – да здравствует король!», новоизбранный Генсек пригласил всех в Колонный зал ещё раз «сфотографироваться на память» у гроба «нашего дорогого друга и товарища Юрия Владимировича Андропова». Теперь Романов встал (поставили?!) уже по правую руку от Черненко, но после Горбачёва! По левую же построились Тихонов, Громько, Устинов, Гришин. Григорию Васильевичу оставалось лишь повторить вслед за героем одного кинофильма: «Так, не понял?..»

Четырнадцатого февраля Черненко, проникшийся внезапной симпатией к покойнику, ещё раз – теперь уже последний, по давно заведённой партийной традиции – нанёс визит в Колонный зал Дома Союзов. «Народ» опять «построился не по Уставу», что вызвало многочисленные вопросы у самых глазастых аналитиков от советологии. Вслед за Романовым им тоже оставалось лишь повторить: «Так, не понял?..». Расклад сил действительно... не раскладывался. Ясность была внесена только в один вопрос: Черненко – Генеральный секретарь. Остальные вопросы, интересовавшие товарищей и господ куда больше, особенно в контексте

«богатырского здоровья» и «молодецких лет» Константина Устиновича, так и остались вопросами.

По окончанию ритуала «камерного прощания» – предстояло ещё «уличное», у Мавзолея – гроб с телом подхватили бравые «гвардейцы». По давно заведённой традиции, немощные вожди тут же прилепились к ним в формате «сбоку бантик», а также «и мы пахали». Горбачёв с Романовым не принадлежали к «лику немощных», но традицию блюсти обязаны все. Подставить крепкие плечи под гроб им не позволил этикет... ибо другие не могли позволить себе этого уже не по этикету. Как следствие, Михаил Сергеевич и Григорий Васильевич обязаны были отработать в режиме «и мы пахали».

Но Горбачёву повезло больше. То ли его пригласили, то ли он сам протиснулся – но как-то Михаил Сергеевич оказался в первом ряду, в ногах Юрия Владимировича, напротив «самых Константина Устиновича»! «Условно подставились условными плечами» все первые – в порядке очередности – номера Политбюро: Черненко, Тихонов, Устинов – слева, в затылок друг другу, Горбачёв, Гришин – справа. Громько и Романов замыкали процессию. То есть, участием не был обделён никто.

А затем, на бодрящем восьмиградусном морозце, состоялся митинг «утвержденного формата». То есть, с обязательным участием знатного «токаря-пекаря», известного литератора и широко известного только в узких кругах земляка.

Первым выступил, как и положено, новый Генсек. Говорил Константин Устинович хорошо, но... плохо. То есть, говорил хорошие, пусть и чужие, слова – но говорил их с таким мученическим преодолением самого себя, что так и хотелось пожалеть его заодно с Юрием Владимировичем. Глядя на нового Генсека, а ещё больше слушая его, народ уже не сомневался в том, что «встретимся через год» – это не только из литературы.

Отстрадав у микрофона – и не столько по Юрию Владимировичу, сколько по причине себя – Константин Устинович предоставил «чужое слово» министру иностранных дел Громько. За тем выступил кузнец-штамповщик ЗИЛа Малин, которого сменил маршал Устинов. Заключение список «докладчиков» писатель Марков и в качестве земляка усопшего – первый секретарь Карельского обкома Сенькин.

Все говорили о покойном хорошо. Оказалось, что тот львиную долю внимания уделял именно тому «ведомству», которое представлял каждый, отдельно взятый, докладчик. В итоге каждое получило «львиную долю». Но этому обстоятельству никто не удивлялся: вон, Христос тысячи людей накормил пятью хлебами и двумя рыбами. Так, почему Юрий Владимирович не мог уделить большую часть времени каждому, отдельно взятому, чтобы хватило всем?!

«Торжественная часть» прошла на высоком идейно-художественном уровне. Как и положено, Юрий Владимирович оказался выдающимся Генсеком, выдающимся дипломатом, выдающимся полководцем и флотоводцем, выдающимся кузнецом-штамповщиком, выдающимся писателем-читателем и выдающимся земляком. То есть, оправдал надежды и чаяния всех слоёв общества. Хотя недосказанность чувствовалась. И не слов в адрес Андропова – а слов и дел Андропова. От Юрия Владимировича в народе ждали не «андроповки» и «улова на остановках», а больших плодов от более плодотворной деятельности. Вероятно, поэтому в моменте прощания чувствовалось нечто формата «Прощай, Антонина Петровна – неспетая песня моя!»

Когда Юрия Владимировича определяли за Стеной, Романов и Горбачёв обменялись друг с другом многозначительными взглядами. Так, словно давали понять друг другу, что «дружба между народов» исчерпала ресурс. «И вечный бой! Покой нам только снится».

Полковник наблюдал за процессией и её участниками с одной из гостевых трибун: порадел Григорий Васильевич. Но он прибыл сюда не в амплуа зеваки: он находился на работе. Его интересовали нюансы – и не в речах, которые, по большому счёту, были одинаковыми, как речная галька. Его интересовали классические вопросы: кто, как и с кем? В том деле, которым он занимался, мелочей не было.

Результаты откровенно разочаровывали. Романов и Горбачёв, хоть и стояли на трибуне рядом, в продолжение всей церемонии не обменялись друг с другом ни словом, ни взглядом. Не раскрылись и остальные участники «большой игры». Полковнику оставалось лишь признать, что дело «политического макияжа» у этих людей поставлено хорошо...

– Ну, и к каким выводам ты пришёл?

Романов замёрз, был недоволен собой и окружающими – а потому излучал отнюдь не положительную энергию. Полковник удивлённо двинул бровями.

– Выводы?! От увиденного на похоронах?!

– Ну, хорошо, хорошо! – поморщился Романов. – Что ты предполагаешь делать?

Полковник вернул брови на место.

– Встретиться с Воротниковым.

– ???

Григорий Васильевич немедленно заместил Полковника «по части бровей». Тот усмехнулся.

– Не своим хотением, Григорий Васильевич!

– Иди, ты! – «отчурался» рукой Романов.

– Ей, богу!

– Ну, «колись», не тяни!

– Группа «нейтралов» и «полунейтралов»...

– «И вашим, и нашим»? – понимающе не усмехнулся Романов.

– Да. Так, вот, эти люди то ли уполномочены, то ли уполномочили сами себя... попытаться сблизить позиции.

– ???

Вторично Романов и не пытался оригинальничать по части эмоций. Да это и было бы попыткой с негодными средствами. Он не ожидал такого «финта» от Горбачёва – а в том, что так «финтить» мог только Михаил Сергеевич, Григорий Васильевич нисколько не сомневался.

– Вот и я – того же мнения.

Полковник даже не усмехнулся: они с Романовым научились уже общаться без помощи языка. И телепатия тут была ни при чём: телепатия «отдыхает» там, где в дело вступают профессионалы высокого класса.

– В то, что Горбачёв согласится уступить, я не поверю и с петлёй на шее. Значит, остаётся лишь одно: Михаил Сергеевич затевает обходной маневр... чтобы выйти нам в тыл. Скорее всего, он хочет проверить, насколько крепок он у нас, и насколько твёрдо мы стоим – как на ногах, так и на своём.

– Думаешь, предложит торг?

– Только для зондажа, Григорий Васильевич!

Романов нахмурился. Светлые его глаза потемнели.

– То есть, должность не предложит?

Вот теперь Полковник усмехнулся.

– Отчего же?! Не только предложит – но и даст! Только Вы на ней и дня не продержитесь: «всё учтено могучим ураганом»!

Романов нахмурился ещё больше – и не усидел на месте.

– А – разделение должностей?

Полковник кивнул, не снимая с лица скепсиса.

– Возможно – но того же формата. Поймите, Григорий Васильевич, что для Горбачёва любой договор – бумажка, а «слово джентльмена» – ещё ниже: туалетная бумажка! В этом смысле он – наш «отечественный Гитлер» времён Мюнхена и «пакта Молотов – Риббентроп»!

Романов молча прогулялся за спиной Полковника. Способность аналитически мыслить, покидавшая его лишь в минуты редких вспышек, уже вернулась на место.

– А, что, если и эти, как ты их называешь?..

– «Нейтралы»?

– Да! Что, если эти «нейтралы» – не от Горбачёва? Что, если они ведут свою игру?

Полковник выразительно покривил лицом.

– Не думаю, Григорий Васильевич... Ну, какие это «игроки»?! Что они могут предложить от своего имени?! «Ребята, давайте жить дружно»?!

Теперь уже настала очередь Романова поморщиться.

– «Они», «они»!.. Ты хоть сказал бы, кто это – «они»?

– Они – это Алиев, Воротников, Лигачёв и Чебриков.

Видимо, Романов не определился с отношением к товарищам, так как лицо его осталось без выражения – или с тем, что было до момента ознакомления.

– Ну, Алиев и Воротников...

– Согласен! – бесцеремонно, как это и принято у «своих», перебил его Полковник. – Но Лигачёв и Чебриков – это другое дело!

– Объясни!

– Слушаюсь! – даже не подобрался в кресле Полковник: от него ведь требовалась работа, а не... работа спиной. – Ну, с Алиевым, думаю, всё ясно?

Романов поморщился – и махнул рукой: «продолжай!».

– Воротников...

Полковник на мгновение наморщил лоб.

– Честно говоря: ничего интересного. Пятьдесят семь лет. Авиационный инженер – но не больше пяти лет. С пятьдесят девятого – партийный чиновник. Из наиболее примечательных вех: председатель Куйбышевского облисполкома, первый секретарь Воронежского обкома, первый зам Предсовмина России. Три последних года при Брежнев – послом на Кубе. Я, честно говоря, ещё уточняю, с чего бы это: то ли – по причине Фиделя, то ли – по причине самого себя.

– Неважно! – ещё раз поморщился Романов, тем самым «амнистируя» Полковника «за недоработку с биографией объекта».

– Зато важно, что именно его прямо с Кубы поставили на Краснодарский крайком – вместо Медунова! И, судя по тому, что он там не задержался, и за несколько месяцев дорос до Предсовмина России, Виталий Иванович оправдал надежды Юрия Владимировича, «самого большого друга» Медунова. Насколько я выяснил, крайком и все низовые структуры перетрясли основательно – и не столько ради «очистения», сколько ради «сбора мусора» для персонального и уголовного дела Медунова. Недаром же за полгода Воротников продвинулся от рядового члена ЦК до полноформатного члена Политбюро.

Романов нахмурился – и пробежался крепкими пальцами по столу.

– Ну, и кто он, по-твоему?

Полковник художественно «ушёл» глазами – вместе со всем остальным лицом.

– При всех своих недостатках – не «троянский конь» Горбачёва: это – точно! Он вообще – не горбачёвец: он – андроповец! И Андропов присмотрел его для себя, а не для Горбачёва. Но Меченый, насколько я понимаю «в биологии», собирается использовать его «втёмную» – как и другого порядочного человека: Рыжкова.

– Порядочного – для непорядочных дел?

– Именно так, Григорий Васильевич! Воротников с Рыжковым и понять ничего не успеют, как уже сыграют роль «троянского коня», и не в нашей вотчине, а в масштабах всего Союза!

«Барабанная дробь» пальцев Романова усилилась. При всех своих талантах в области закулисных маневров, Григорий Васильевич всегда предпочитал ясность «чёрно-белого фор-

мата»: «да» – или «нет». Поэтому у Полковника не было никаких оснований сомневаться в характере следующего вопроса. И вопрос соответствовал «несомненному характеру».

– Скажи – только прямо: он – за нас?

Полковник не стал задумываться напоказ: задумался ещё раньше – и для дела. Поэтому он сразу же покачал головой.

– Нет. Как минимум – сейчас и на ближайшее будущее.

Романов не стал дополнительно сереть лицом: хватало и наличной хмари.

– Принято... Можешь продолжать.

– Слушаюсь. Значит, об Алиеве мы уже сказали всё... не сказав ничего.

Григорий Васильевич даже нашёл в себе силы усмехнуться.

– Говори, если считаешь нужным.

Полковник осторожно двинул плечом.

– Да, говорить, собственно говоря – пардон за каламбур! – не о чем. Гейдар Алиевич, при всех своих несомненных личностных достоинствах, в кремлёвской стратегии – пешка. Андропов выдвинул его лишь в противовес Тихонову. Никаких собственных перспектив у Алиева не было и нет. И Горбачёву Алиев нужен лишь постольку, поскольку есть нужда в замещении непослушного Тихонова послушным Рыжковым.

– А, может – Воротниковым?

Полковник даже не стал задумываться.

– Нет, Григорий Васильевич: Воротников – более самостоятельная и упрямая личность, чем Рыжков. Воротников, по замыслу Горбачёва, будет наступать на нас... и социализм «вторым темпом», как говорят волейболисты.

– Извини, что перебил тебя, – поморщился Романов. Полковник улыбнулся.

– И правильно сделали! В нашем деле каждая неясность – как та классическая «лазейка для мирового империализма».

Теперь улыбнулся Романов: порой солдатская прямота – слаще дифирамба.

– Так, что, там – Алиев?

– Хороший мужик – но толку от его «хорошести»! – выразительно покривил лицом Полковник. – Да, он и сам понимает, что не является «фигурой» на «кремлёвской доске». В лучшем случае – разменной. Поэтому в группе «ходатаев» он – так: за компанию. А, может – и Горбачёв попросил...

– Ладно, с этими – ясно! – «приговорил» ладонью Романов.

– А остальные двое?

– ???

– Точнее: «второй остальной»? – спохватился Григорий Васильевич: вспомнил, что «первого остального» уже «помянули».

– Чебриков...

Настолько многозначительным оказалось «многоточие» в голосе «докладчика», что Романов моментально «призвался к порядку».

– Тут даже не скажешь Лениным о Троцком: «С нами – а не наш!»...

Лицо Полковника исполнилось желчи.

– Потому что – не с нами, и не наш! А ведь – фронтовик!.. Если же идти по вехам, то – ничего примечательного. Шестьдесят лет. После фронта – кстати, одного с Брежневым: Четвёртый Украинский – Днепропетровск.

– ??? – моментально вспорхнул бровями Романов.

Полковник усмехнулся.

– Да-да: в некотором роде – земляки с Леонидом Ильичом... После окончания Днепропетровского металлургического института – пару лет инженером на заводе имени Петровского.

И уже с пятидесят первого – одна «сплошная партия»: партком, райком, горком, обком. Всё – там же, в Днепропетровске. Партийная «Джомолунгма» Чебрикова – второй секретарь обкома.

– ...

Это у Романова от удивления вытянулось лицо.

– А я думал, что он – профессионал...

– Какой, там, профессионал! – пренебрежительно махнул рукой Полковник. – В КГБ он – лишь с шестьдесят седьмого, да и то – начальником Управления кадров!

– С шестьдесят седьмого? – моментально ухватился Романов. – После назначения Андропова?

– «После не значит вследствие»! – усмехнулся Полковник. – С учётом «днепропетровского следа» у меня – большие сомнения в том, что Чебриков – креатура Андропова. Скорее, уж, можно поверить в то, что это Брежнев приставил к Юрию Владимировичу соглядатая. Ну, так, как он сделал это с Цвигуном, а чуть позже – с Цинёвым. Каждый из этой троицы – «родной человек»: грех «не порадеть»! Ну, а позже Андропов и Чебриков «сошлись характерами». Иначе вряд ли в январе восемьдесят второго Чебриков стал бы первым замом Андропова, а в декабре того же года – и Председателем КГБ. И в Политбюро Юрий Владимирович пропихнул его не за отсутствующие прошлые заслуги, а в обеспечение будущих – но уже своих.

Романов ушёл глазами «в себя» – и медленно прошёлся за спиной Полковника. Информация не радовала его – зато и не расхолаживала: была объективной. Больше всего Григорий Васильевич не терпел «розовых очков». Это был сугубый практик и сугубый реалист – а ни то, ни другое не предполагает отрыва от действительности и прочих «фантазий на тему».

– Почему же тогда – именно он? Горбачёв попросил?

На этот раз Полковник задумался – и явно не впервые на эту тему.

– Не исключено. Хотя Чебриков по состоянию «на вчерашний день» – до декабря прошлого года – был однозначно человеком Андропова, после того, как всё стало ясно...

– ???

– Хотя бы с Андроповым!

– А-а-а!

– ... он прислонился к Горбачёву. К сожалению, в Чебрикове много «не нашего». Помните, как Ленин отзывался о Троцком в очерке Горького: «В нём есть что-то нехорошее, от Лассаля».

Полковник усмехнулся.

– Я не буду утверждать, что нехорошее в Чебрикове – «от Лассаля», но оно есть. Увы, Виктор Михайлович поражён критицизмом по адресу нашей «Святой Троицы»: КПСС, Советской власти и СССР. Понимаете: не критическим взглядом обладает – нормальное явление! – а поражён критицизмом! Общность почвы, на которой произрастают общие взгляды, и роднит его с Горбачёвым.

Полковник с огорчённым видом покачал головой.

– А жаль: мужик он – порядочный, деловой и честный. Но – недалёкий: не видит дальше завтрашнего дня. А за завтрашним днём ему не увидеть, что дня послезавтрашнего ему не видеть, как... как и всех последующих! Для Горбачёва он – типичный «мавр». Но понять это Чебрикову не дано ни сегодня, ни «завтра». А «послезавтра» с этим пониманием он нам, извинаясь, на хрен не нужен будет!

Романов ещё раз помаячил за спиной Полковника – и вернулся за стол. Некоторое время он молчал, словно вынося приговор сказанному и услышанному. Наконец, крепкая его ладонь жёстко опустилась на стол.

– Ладно, Полковник: спасибо за политинформацию. Будем считать, что твой курс ликбеза я прошёл.

– И?

Полковник глазами предложил Романову продолжить.

– ??? – «внёс контрпредложение» Романов – и тоже глазами.

– И куда «пошёл дальше»? – усмехнулся Полковник.

– Надо встречаться! – обошёлся без усмешки Романов.

– Мне?

Полковник «ковал железо», пока в наличии были все «составляющие». Романов на мгновение потемнел глазами: явно пришёл к неоднозначному, спорному даже для себя, решению. Вынужден был прийти.

– Нам!

– ...

Полковнику не оставалось ничего другого, как запросить подробности – и Романов не стал уклоняться.

– Ты решаешь технические вопросы, я – политические!

Не возражаешь?

– А у меня есть выбор?! – усмехнулся Полковник: как пел Высоцкий, «меня и пригласили за неё». За «обшарпанную гармошку», то есть: для того, чтобы и решать «технические вопросы»...

Глава тридцать шестая

Алиев молча разглядывал сидящего перед ним человека.

– Вот Вы какой!

Удивление в голосе и взгляде Гейдара Алиевича было густо замешано на уважении, которого он и не скрывал.

– ... – напросился на комплимент Полковник: объектом уважения являлся именно он. Ведь именно он явился «с доверенностью» Романова – а именно Алиев, соответственно – с «доверенностью» от «движения неприсоединения».

– Наслышан о Вас, уважаемый...

Алиев изобразил глазами вопросительный знак на тему реквизитов «уважаемого». Полковник «мило» улыбнулся.

– Можно просто: «уважаемый». Так, как это и принято на Востоке.

Гейдар Алиевич рассмеялся.

– Хорошо: это – лишнее доказательство того, как повезло Романову, и как не повезло Горбачёву... Не хотите спросить, «откуда дровишки»?

Полковник улыбнулся ещё раз – и снова «мило».

– Если бы я спросил, то сразу лишился бы Вашего уважения.

– Приятно иметь дело с умным человеком, – ещё раз отказал дипломату в себе Алиев. – Чашм шума роушан!

– И Вашим глазам – того же света!

Гейдар Алиевич – знаток фарси, которым он сейчас и испытывал Полковника – неожиданно взгрустнул.

– Знаете, дорогой Полковник... ой, проговорился! Не удивляетесь?

– Нет.

Удивляться действительно было нечему. В отличие от тех же Андропова, Чебрикова и Крючкова, Алиев был кадровым чекистом, двадцать восемь лет – с сорок первого по июль шестьдесят девятого – «оттрубившим» в органах НКВД-МГБ-КГБ. Чего бы Гейдар Алиевич стоил, если бы

не оставил «корней в родной конторе»?!

– Так, вот, дорогой Полковник: жаль, что достойные люди у нас волей... хм... других людей, разведены по разным углам ринга – и даже по разные стороны баррикад! Ну, какие мы с Вами враги?!

– И верно! – улыбнулся Полковник. – Какие же мы с Вами враги, если мы один другому – «друг, товарищ и даже брат»?!

Алиев со смехом откинулся на спинку кресла.

– Ох, непрост, Полковник! Ох, непрост! Как говорил Жеглов, «вот и возьми его за рупь, за двадцать»! Да, жаль, Полковник, жаль... что не могу я перемахнуть барьер: «грехи не позволяют»... Но – «вернёмся к нашим баранам»!

Гейдар Алиевич призывал напрасно: де-факто уже находясь «при баранах», Полковник не только заждался призыва, но и сам изготовился призвать.

– Первое слово – Вам, Полковник!

– Спасибо.

Полковник улыбнулся.

– Это – первое слово. А теперь – все последующие: формат встречи?

– ...

Гейдар Алиевич замялся: и на простые вопросы ответить бывает невероятно сложно.

– Ну, «четверо – против одного»? – пришёл на помощь Полковник.

– Ну, зачем же «против»?! – улыбнулся Алиев. – «Четверо плюс один» – так будет правильнее... Но, если Григорий Васильевич не готов к такому формату – можно и «один на один».

Алиев замолчал – и не стал мешать скепсису визави пробиваться на лицо. И тот пробился.

– Такой формат может иметь смысл лишь тогда, когда каждому из вас будет, что сказать Григорию Васильевичу своё. Если же у вас – общая точка зрения... другого человека, то Романова не испугает численное преимущество.

Бесцеремонный взгляд Полковника устался в Алиева.

– Так, кто вы: индивидуальности – или коллектив? Я имею в виду только данный случай.

Алиева невозможно было смутить взглядом – даже бесцеремонным: двадцать восемь лет в органах безопасности плюс тринадцать лет «первосекретарства» выработали в нём иммунитет против любых взглядов. Дополнительно на устойчивость Гейдара Алиевича работали и черты характера: спокойствие, уравновешенность, доброжелательность – хотя бы внешняя. Но вопрос Полковника был прямой. Как человек восточный, Алиев не жаловал «вопросы в лоб». И всё же, если прямой вопрос подразумевал такой же прямой ответ, Гейдар Алиевич «изменял Востоку»: не уклонялся.

– Ну, что ж, Полковник... Кстати, Вы действительно – полковник?

В глазах Алиева вспыхнули искорки неподдельного интереса: оказывается, «есть многое на свете, друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам». В том смысле, что всё знает только Господь Бог – а «товарищам из конторы» это не под силу.

– Хм...

Полковник не ограничился хмыканьем – и многозначительно «ушёл» глазами.

– Понял, понял, – миролюбиво «задрал руки вверх» Алиев. – Впрочем, если вы и полковник – то значением выше иного маршала... Так, вот, отвечая на Ваш вопрос: доводы у нас будут общие. Хотя мотивы у каждого – свои. Другой вопрос, что мотивы не могут сейчас повлиять на позицию... Ну, Вы меня понимаете...

– Понимаю.

Полковник цыкнул сквозь зубы – и покривил лицом: понимание явно не прибавило ему энтузиазма.

– Я не понимаю другого: какой смысл в такой встрече?... Хотя...

Лицо Полковника, вопреки «запеву», неожиданно разгладилось, а в глазах «что-то такое» блеснуло.

– ... Григорий Васильевич встретится с вами. Со всеми сразу: чего «разводить бодягу»?! Давайте обсудим технические детали: место, время, круг вопросов...

– Ты прав: такая встреча не имеет никакого смысла!

Записной романист «записал» бы, что «в этот момент серо-голубые глаза Романова отливали холодной сталью равнодушия». «Без романиста», взгляд Григория Васильевича всего лишь не проявлял интереса к предложению «инициативной группы».

– «Ты говоришь!» – усмехнулся Полковник.

– Нет, это ты говоришь!

Романов, конечно же, «расслышал» кавычки – но отказался от их использования при совершении действия, именуемого «я возвращаю Ваш портрет».

– Я говорил это не Вам, а Алиеву, – «не принял комплимента» Полковник. – Да и то: не на финише разговора. А моё «заднее слово» было: «согласен»... Григорий Васильевич!

Глаза Романова сузились в щёлку.

– «Согласен», Григорий Васильевич» – или «Согласен Григорий Васильевич»?

Романов опять «расслышал» и кавычки, и запятую – и Полковник рассмеялся.

– Вам бы судебным крючкомвором, а не секретарём ЦК работать!.. Согласен... То есть, я хотел сказать, что дал Алиеву согласие... Ваше.

Григорий Васильевич немедленно выкатил глаза... «на прямую наводку».

– «Как Вы посмели распоряжаться королём и Его королевским словом?!»

«Обвинение» личным местоимением в уважительной форме использовалось Романовым явно не в духе Леонида Ильича, который таким способом выражал своё недовольство провинившемуся товарищу – и даже «отказывал тому от дома». Моментально «расшифровав» источник цитаты, Полковник «аполитично» усмехнулся.

– «Исполнение желаний», мультфильм пятьдесят восьмого года, диалог Короля и Мистигриса!

– Ты видел этот мультфильм? – подобрел Романов. Он не жаловал «мультики», но этот видел и оценил. В те годы мультфильмов, как и фильмов, производилось немного – и уже в силу этого обстоятельства практически все они были «обречены» на просмотр.

– И не один раз, Григорий Васильевич. Прежде чем стать нормальным советским человеком, я же был нормальным советским ребёнком.

Романов, уже без прежнего обличительного энтузиазма, исподлобья охватил Полковника «комбинированным» взглядом. На этот раз он «отдавал» не только сомнением, но и «готовностью к сотрудничеству».

– Ладно, чёрт с тобой: согласен... Как ты сказал: «прозондировать настроения товарищей»? Ну, что ж: «прозондируем»...

...Прелюдия к разговору явно затягивалась. Романов не спешил – а «неприсоединившиеся» робели. «Обзорная экскурсия» глазами по интерьеру начинала уже надоедать – и Григорий Васильевич, как человек прямой и решительный, не выдержал:

– Вас больше – значит, Вам – и слово!

– А, если мы выкажем себя джентльменами, – улыбнулся Алиев, – и уступим право первенства Вам?

Романов поморщился – но с ответом не задержался.

– Я приму уступку – но лишь для того, чтобы предоставить слово вам!

Теперь рассмеялись даже не улыбочивые Чебриков и Воротников: Лигачёв сделал это несколько раньше.

– Ну, как сказал бы Остап Бендер: «Утихли балалайки, гусли и позолоченные арфы. Я пришёл к Вам, как юридическое лицо к юридическому лицу». Будем считать «серенаду законченной»?

Григорий Васильевич без излишней дипломатии направил разговор в нужную колею. Людей, знакомых с его характером даже понаслышке, это не должно было удивлять. Поэтому Лигачёв всего лишь обменялся взглядами с остальными участниками квартета – и получил от компаньонов «санкционирующие» кивки. После этого Егор Кузьмич мог уже «спокойно волноваться», откашливаясь в кулак.

– Хорошо, Григорий Васильевич: будем говорить начистоту.

– Иначе и незачем встречаться, – не подобрел Романов.

– Согласен. Итак: согласны ли Вы с тем, что мира...

– ... во всём мире? – усмехнулся визави.

– ... в руководстве, – не усмехнулся Лигачёв, – как не было, так и нет? А перемирие – вещь непостоянная и ненадёжная?

Романов энергично – даже с налётом картинности – двинул головой.

– Согласен – и с тем, и с другим.

Лигачёв переглянулся с соратниками, двое из которых: Воротников и Чебриков – оживлённо блеснули глазами. Явно обнадёженный... представлениями о позиции Романова, Егор Кузьмич откашлялся уже оптимистично.

– А с тем, что такое положение не может считаться нормальным?

Романов усмехнулся.

– Ну, теоретически – да, согласен... Но каким бы ненормальным такое положение ни считалось, оно – норма для большинства периодов истории КПСС. Единство у нас существовало – и существует – только для учебников и речей с высоких трибун. Теперь уже я Вас спрашиваю: можете ли Вы оспорить этот факт?

Лигачёв покраснел: инициатива ускользала из его рук – а ведь так хорошо всё начиналось! Он растерянно обернулся к своим, ища поддержки – и нашёл её в лице Председателя КГБ. Поддержку – вместе с лицом – Виктор Михайлович тут же выставил на всеобщее обозрение.

– Разумеется, Григорий Васильевич, то, что Вы сказали – неоспоримый факт. Но дальше такое положение дел становится уже нетерпимым. Страна находится на переломе...

– Это когда – хребет через колено? – вновь усмехнулся Романов, но на этот раз в усмешке его не набиралось тепла и на градус.

Чебриков поморщился.

– Ну, зачем – так сразу...

– А иначе ваш Горбачёв не умеет! – ещё решительней отказался от дипломатии Романов. – Вы же пришли сюда не с «восточными дифирамбами Леониду Ильичу на день рождения»!

Не снимая с лица усмешки, Романов многозначительно покосился на Алиева, вынудив того «убежать» глазами в столешницу: потому, что – «не в бровь, а в глаз». Ибо факт имел место быть – и не единожды.

– Вот и давайте говорить прямо! А, если говорить прямо, то дело – не в личностях Горбачёва и Романова.

– А в чём? – подался вперёд Воротников, не обращая внимания на предостерегающее «шиканье глазами» коллег по квартету.

Лицо Романова художественно окаменело.

– В том, что эти личности олицетворяют собой!

«Неприсоединившиеся» ещё раз обменялись взглядами. По большей части, взгляды были растерянными. Разговор, уж, слишком быстро выходил на полную откровенность. Ни к такой скорости, ни к такой полноте откровенности участники квартета явно не были готовы.

Первым – по старшинству – откашлялся Лигачёв. Складывалось впечатление, что у него это было традиционной прелюдией к разговору.

– Ну, раз, уж, мы собрались здесь, то имеет смысл поговорить о ваших с Горбачёвым разногласиях – с тем, чтобы... ну, я не знаю... ну, как-то примирить их, что ли...

– ??? – возмутился Романов – и Лигачёв вынужден был прибегнуть к успокаивающему жесту.

– Ну, хорошо: не примирить – а... согласовать! Да, именно согласовать!

И в третий раз Лигачёв обернулся на «коллектив» – и вновь получил всеобщее одобрение удачной формулировке. В разговор он возвращался, уже обнадёженный поддержкой.

– Ну, договариваются же между собой воюющие страны! СССР и США договариваются – а вы, получается, не можете договориться?!

Светло-серые глаза Романова потемнели: верный признак «надвигающейся грозы».

– Ответьте мне – только честно: вы кого здесь представляете? Если себя – то разговор будет один, если Горбачёва – то другой: никакого разговора! И так?

Егор Кузьмич растерялся ещё раз – но «место у микрофона» уже занимал Алиев.

– Григорий Васильевич, здесь нет ни «горбачёвцев», ни «антигорбачёвцев»: здесь – только люди, обеспокоенные сложившимся положением в Политбюро и ЦК.

Романов недобро усмехнулся, и покачал головой.

– Нет, говоришь, «горбачевцев»?.. Нет, уважаемый Гейдар Алиевич: есть! Или товарищ Лигачёв будет отрицать свою «причастность» к Михаилу Сергеевичу и его взглядам... если то, что есть у Горбачёва, можно назвать взглядами?

Лигачёва ещё раз основательно покраснел, заработал носом на манер Конька-горбунка – и всё же «вышел в эфир».

– Да, товарищ Романов: я не скрываю причаст..., то есть, личных симпатий к Михаилу Сергеевичу и его взглядам!

– Его ли?! – ухмыльнулся Романов. – Да и взглядам ли?

Лигачёв побледнел.

– Я Вас не понимаю...

– Да, всё Вы понимаете! – раздражённо махнул рукой Григорий Васильевич. – Или Вы, Виктор Михайлович, тоже скажете, что не понимаете?

Воротников растерянно перевёл взгляд на Чебрикова, который отнюдь не спешил ему навстречу со своими глазами.

– А при чём здесь Виктор Михайлович?!

– Вы хотите сказать, что...

Алиев, в отличие от Воротникова уже понявший намёк, не договорил – но этого и не требовалось: Романов уже «замещал его у микрофона».

– Именно это я и хочу сказать, уважаемый Гейдар Алиевич!

Двукратное обращение к Алиеву как к «уважаемому» не было ни случайностью, ни данью форме: Григорий Васильевич действительно испытывал к Гейдару Алиевичу пиетет «минус поздравления Леониду Ильичу и сентябрь восемьдесят второго». При всей своей неоднозначной интеллигентности, Алиев был пожизненным чекистом – а для Романова это являлось, своего рода, «знаком качества».

Над столом переговоров, давно заслуженное и ожидаемое, повисло молчание. Не успев толком и начаться, разговор стремительно выходил на финишную прямую. Всё уже было ясно, но такой результат явно не устраивал «неприсоединившихся». Это напоминало – в переводе на язык спорта – нокаут уже в первом раунде: никакого же интереса!

Лигачёв снова «взялся за микрофон». Руки его дрожали – и уже без всяких кавычек.

– Но... Григорий Васильевич, эти разногласия не обязательно должны мешать дружной... ну, хорошо, не «дружной»: слаженной... тьфу, ты... ну, в общем – нормальной работе членов Политбюро.

Лицо Романова вытянулось от удивления.

– А я Горбачёву не мешаю! Я занимаюсь промышленностью и ВПК, он – сельским хозяйством! Я не лезу в его «огород», и, если он не полезет в мой, то это – уже полдела!

– А какая «вторая половина»? – улыбнулся Алиев: остальным участникам квартета было почему-то не до улыбок.

Предваряя ответ, Романов «обошёл строй глазами».

– Горбачёв не будет лезть в Генсеки!

– А Вы? – моментально «выскочил из тени» Лигачёв.

– А я не претендую!

Романов с такой неожиданной легкостью «отрёкся от престола», что Лигачёв едва не подавился уже заготовленным обвинением Григорию Васильевичу «в собственном умышлении».

– И то, что я делаю, не есть моя личная претензия на власть: я всего лишь не хочу пустить туда Горбачёва и таких, как он!

Лицо Романова неожиданно исполнилось чуть ли не плакатного озарения – редчайшее состояния для этого, донельзя практического человека.

– Запомните сами – и передайте Горбачёву!

Квартет дружно подался вперёд: таким «одухотворённым» Романова никто ещё не видел. Ну, как минимум: давно.

– Что передать?!

– Моё предложение! Вот оно: мы с Горбачёвым одновременно пишем заявлением с просьбой об освобождении нас от обязанностей члена Политбюро и секретаря ЦК! Пленум уже на носу – так что решения долго ждать не придётся! А дальше я возвращаюсь в Ленинград, а Горбачёв – в Ставрополь! Можете даже поставить его министром сельского хозяйства, но без членства в Политбюро и при хороших заместителях, а не то он вам науководит... до продуктовых карточек! Когда я вернусь в Ленинград, всем станет ясно, что Романов за власть не держится, что кресло Генсека ему не нужно, что ему, как тому Верещагину из «Белого солнца пустыни», всего лишь «за державу обидно»! Ну, как вам – такое предложение?!

«Немая сцена» в гоголевском «Ревизоре» онемела бы ещё больше – теперь уже от зависти к тому, что выдали участники квартета. И неважно, что оригинальности в мимике товарищей было немного: преобладали выпученные глаза и отвешенные челюсти. Зато, как они были выпучены и отвешены! Да и по продолжительности «немая сцена номер два» вряд ли уступала классической. Ни один физиономист, ни один психолог не взял бы на себя смелость утверждать, чего больше имелось в онемении участников сцены: потрясения «самопожертвованием» Романова – или «злодейским покушением» на замыслы Горбачёва и его компаньонов.

Сцена явно затягивалась – и Романову вновь пришлось взять слово. И слово было о деле. То есть – не то, библейское, которое было «вначале»: на этот раз слову предшествовало дело.

– Я внес предложение – а вы, словно языки проглотили! Разве мы собрались здесь не для того, чтобы попытаться разрешить противоречия?! И это – не моя формулировка: ваша! Да и сама идея – не моя! Так, чего же вы молчите?! Или я не оправдал чьих-то ожиданий?! «Не будем говорить, кто – но это был Слононок!». То бишь – Горбачёв! Так? Вместе с ним вы ждали от меня чего-то другого?! А чего именно? Может, полной и безоговорочной капитуляции на радость Михаилу Сергеевичу и другим товарищам... и господам?!

Потрясение гостей радикализмом оппонента было настолько сильным, что они даже неотреагировали на «союз товарища Горбачёва» и пока ещё анонимных «господ». В более адекватном состоянии они, разумеется, «не преминули бы».

– Я жду! – напомнил о себе Григорий Васильевич, не считаясь ни с тактом, ни с лимитом времени на потрясение. Как всегда, и на этот раз он посчитал, что потрясаться нужно в рабочем порядке: одно не должно мешать другому. А именно – нерабочее состояние... работе! То есть, нужно совмещать – как в интересах дела, так и в интересах... совмещающего.

Первым – вероятно, как старший в компании не только по возрасту, но по чину или перспективам на чин – вернулся к жизни Егор Кузьмич. Правда, и после этого ему пришлось некоторое время традиционно откашливаться. Наконец, он вновь обрёл политическое мужество – насколько это было возможно в условиях такого сильного потрясения и перед лицом такого неприступного и бестактного оппонента.

– Скажу честно, товарищ Романов... мы пришли сюда для того, чтобы попытаться сблизить позиции...

– Чьи?! – моментально «отработал перехват» Романов. – Чьи именно? Фамилии «владельцев позиций»? И каким образом сблизить? В чью сторону – а, вернее, в чью пользу? За счёт чего – и за счёт кого?

Лигачёв покраснел: «какой бестактный товарищ!». Никакой политической... обходительности: сразу – в лоб!

– Ну, Григорий Васильевич... ну, Вы прямо... как этот... следовательно НКВД образца тридцать седьмого...

Романов поморщился: Лигачёв был «в своём репертуаре». А «репертуар» Егора Кузьмича был хорошо известен Григорию Васильевичу. Неприязнь очередного секретаря ЦК к славному прошлому стала уже притчей во языцех. Но вступать в дискуссию, а тем более, ставить товарища на место с позиций исторической правды, сейчас было не время, и не место. Перед Григорием Васильевичем стояла, куда более важная задача, чем «постановка на место»,

от которой Лигачёв всё равно не ушёл бы. Но махнуть рукой – комбинированно и очень наглядно – Григорий Васильевич не посчитал лишним.

– Ладно, можете не отвечать! Только – одно уточнение: не я ставлю вас в неудобное положение своей прямоотой – вы сами поставили себя. И не только сегодняшней уклончивостью, но и «вчерашним» смыканием с Горбачёвым.

Никто из «четвёрки» не посмел отметить в Романова прямым взглядом. Наконец, «погуляв глазами», «к микрофону вышел» Алиев.

– Если я правильно Вас понял, Григорий Васильевич, Ваше предложение – это единственное, что Вы можете предложить?

Заметив, как застыли в напряжённом ожидании все другие участники квартета, Романов усмехнулся.

– Ну, как «генеральная линия» – да. Но у меня есть и предложения для её практической реализации. Их я готов внести лишь после одобрения замысла в целом.

Алиев переглянулся с компаньонами – и вернул глаз на визави.

– Стало быть, нам сейчас больше нечего обсуждать?

– А разве у вас есть предложения?

Отвечая вопросом на вопрос, Романов вновь легко обошёл учтивость – и обошёлся без неё. И без того не потрясающий людей мягкостью обхождения, в хозяйственной и политической деятельности он не выказывал и намёка на этикет и дипломатию. Все это знали – но каждый раз оказывались не готовы к очередному проявлению... непрявления.

Вот и сейчас прямой вопрос «неучтивога» Григория Васильевича в очередной раз ставил ходяков в неудобное, и почти безвыходное положение. Отчего «почти»? Да, оттого, что единственным выходом было сказать правду. Но это – самое тяжёлое из всего, что можно только вообразить себе в политике. И всё же «вскрывать себя» приходилось: «на том берегу» обязательно потребовали бы отчёта со всеми подробностями. И, прежде всего: о реакции Романова на предложения «другой стороны». На предложения... которые так и не были ещё озвучены.

– Если они у вас есть – я весь внимание! – снова «пришёл на помощь» Романов. И не один – а вместе с «фамильной» прямолинейностью.

– Помириться с Горбачёвым, товарищ Романов! – выпалил «в один присест» Воротников. Соратники по квартету недовольно поморщились «в унисон»: а они ещё обвиняли Романова в прямолинейности! Ну, разве так можно, Виталий Иванович?!

– Ну, вот это – другое дело! – усмехнулся Романов. – Теперь маски сорваны! А то, понимаешь, «согласовывать они пришли!» «Сближать позиции!» А чего их сближать, когда мы их и так уже сблизили – да ещё в формате: «Ни вам, ни нам!».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.